

Александр Михайловский
Юлия Маркова

РАЗВОРОТ НА ВОСТОК



КРЫМСКИЙ ИЗЛОМ -9

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Разворот на восток

«Автор, Автор»

2021

Михайловский А. Б.

Разворот на восток / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2021 — (Ангелы в погонах)

Третий Рейх низвергнут, Советский Союз занял всю территорию Европы - и теперь мощь, выкованная в боях с нацистко-сатанинскими полчищами, разворачивается на восток. Грядет Великий Тихоокеанский Реванш. За два года войны адмирал Ямамото сумел выстроить почти идеальную сферу безопасности на Тихом океане, но со стороны советского Приморья Японская империя абсолютно беззащитна, и советские авиакорпуса смогут бить по Метрополии с pistolетной дистанции. Умные люди в Токио понимают, что теперь, когда держава Гитлера распалась в прах, против Японии встанет сила неодолимой мощи. Но еще ничего не предрешено, и теперь все зависит от того, какие решения примут император Хирохито и его правая рука, величайший стратег во всей японской истории. В оформлении обложки использован фрагмент репродукции картины из Южно-Сахалинского музея «Справедливость восторжествовала» 1959 год, автор не указан.

© Михайловский А. Б., 2021

© Автор, Автор, 2021

Содержание

Часть 33. Неизбежное решение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Разворот на восток

Часть 33. Неизбежное решение

15 сентября 1943 года. Обстановка в Германии и мире (вместо вступления).

К середине сентября сорок третьего года активные боевые действия на европейском ТВД в основном прекратились. При этом отсутствовала последняя, самая яростная и кровопролитная фаза боев, когда уже разгромленные серые орды любой ценой ломались на запад, чтобы сдаться кому угодно, только не войскам Красной Армии. Некуда было ломиться. Со всех сторон от умирающего Третьего Рейха – с востока, севера, юга и запада – находились все те же советские дивизии, корпуса и армии, с боями пришедшие в центр Европы «от Курска и Орла». Пророческими стали и слова песни о том, что от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее. И это еще слабо сказано. Последний этап войны больше напоминал снос обветшавшей избушки, когда после каждого нового удара во все стороны веером летит гнилая труха.

Пятого сентября гросс-адмирал Дениц в присутствии прославленных советских генералов и адмиралов подписал акт о безоговорочной капитуляции Третьего Рейха. А уже утром шестого числа Верховный Совет СССР издал Указ о включении всей территории Германии в границах на двадцать второе июня сорок первого года в состав Советского Союза. До завершения процесса денацификации и десатанизации управлять на немецких землях должны были Советская военная Администрация во главе с маршалом Жуковым и немецкая гражданская администрация под началом герра Роммеля. Наследство этим двоим после бесноватого ефрейтора досталось аховое. И хоть на этот раз Германию никто не подвергал коврам бомбежкам, и ее города не обратились в заваленные трупами руины, но большая часть населения, послушно уверовавшая в «нового арийского бога», теперь напоминала неудачно оживленных мертвецов. И только те немцы, что до конца боролись с этим ужасом и смогли при этом выжить, походили на обычных людей.

Прочая Европа тоже приходила в себя от пережитого ужаса, оплакивала гекатомбы погибших и готовилась жить в новой советской действительности. На Пиренейском полуострове, не затронутом ни войной, ни тенью нацизма-сатанизма, советские мехкорпуса ОСНАЗ в парадном строю без единого выстрела пролязгали гусеницами через территории Испании и Португалии, попутно принимая капитуляции старых национальных армий. При этом примас Испании архиепископ Толедский, кардинал Энрике Пла-и-Дениэль, исполняющий обязанности временного премьер-министра Испании, игнорируя пламенную Долорес Ибаррури, при торжественной встрече у врат Мадрида передал советскому заместителю генералу Рокоссовскому испанские королевские регалии и ключи от испанской столицы – сбылись пророческие слова комиссара третьего ранга Антоновой о том, что местные консервативные круги видят в товарище Сталине эдакого христианнейшего короля, лидера, объединившего под своим скипетром всю европейскую цивилизацию. В ответной речи генерал Рокоссовский пообещал испанскому народу свободу там, где это возможно, и порядок, где это необходимо. Конечно, не всем сторонникам павшей Второй Республики понравилось такое освобождение, но троцкистам и анархистам никто и ничего не обещал. А если эти люди по старой памяти попробуют поднять голову, то ведомство Лаврентия Павловича всегда наготове.

Страны, уже имеющие законные правительства (Румыния и Болгария) готовились обратиться к Верховному Совету СССР с просьбой о вхождении в состав Советского Союза, в других предстояли первые послевоенные выборы, которые было желательно провести еще до нового тысячелетия девятьсот сорок четвертого года. Это необходимо в том числе и потому, что

советское правительство не собиралось разрывать пакт о ненападении с Японией без объяснения причин. Сначала надо провести выборы в Учредительные Собрания Французской и Голландской Советских Республик, потом – принять эти новосозданные государственные образования вместе с их колониальными владениями в состав СССР. И уж затем можно будет потребовать от японского правительства прекращения оккупации территории Французского Индокитая и Голландской Ост-Индии, а также остановки боевых действий против союзной СССР Великобритании, и вообще отвода всех японских войск на территорию Метрополии. Война в Китае тоже чрезмерно затянулась, и не приносит ни одной стороне ничего, кроме никому не нужных жертв. А на случай если такой ультиматум будет отвергнут, следует иметь полностью готовый к осуществлению план Маньчжурской наступательной операции, которая в одно-два касания доведет японскую империю до безоговорочной капитуляции.

Но не все было так хорошо, как казалось при взгляде со стороны. В ночь с тридцать первого августа на первое сентября над германской провинцией Нижняя Силезия неожиданно стало раскручиваться престранное атмосферное явление, более всего напоминающее не европейский циклон, а тихоокеанский тропический тайфун. Вздымающиеся в стратосферу над Бреслау и Катовице шапки грозových облаков с самолета были видны с расстояния в пару сотен километров, а на уровне земли все это выливалось в шквальные ураганные ветры и проливные дожди, разом поставившие на паузу все боевые действия. В этой мешанине из ураганных порывов, дождевых разрядов и слепящих взблесков молний не могла действовать даже разведывательная аппаратура Особой Авиэскадры, так что задача локализовать местоположение фон Меллентина и уничтожить этого последователя Гитлера точечным бомбовым ударом оставалась невыполненной.

Помимо всего прочего, советские метеорологи сразу сделали вывод, что это атмосферное образование, неподвижно зависшее над одной и той же точкой поверхности (чего не должно быть в принципе) имеет отнюдь не естественное происхождение. Правда, говоря о неестественном происхождении, эти люди, воспитанные в традициях диалектического материализма, всего лишь имели в виду некие техногенные установки с целью управления погодой, создающие восходящие воздушные потоки. Но в Кремле, с учетом предыдущего анамнеза, все поняли иначе и жестоко напряглись. К эпицентру событий с западного направления, несмотря на предельно плохую погоду, двинулись сразу четыре мехкорпуса ОСНАЗ, готовые к встречному сражению с прорвавшимися в этот мир легионами ада, о которых в свои последние дни так много и со вкусом вопил Геббельс...

Но ничего особо страшного не произошло. Десятого числа постороннее воздействие на атмосферу прекратилось, и искусственный циклон стал постепенно распадаться. Стихли ураганные ветры, а рушащиеся с небес потоки воды, кое-где затопившие окопы по колено, а кое-где и по пояс, перешли в грибной дождик. При этом никаких вооруженных до зубов чертей, ведьм в ступах и без, трехглавых драконов и прочей сказочно-мистической белиберды на линии соприкосновения не обнаружилось. Немецкие укрепления настороженно молчали, и даже самый внимательный осмотр через командирские бинокли не позволял обнаружить на немецких позициях ни одного живого человека. «Умерли они там все, что ли?» – подумали советские командиры полков и дивизий и послали вперед первые, еще робкие, разведпоиски с задачей получить хоть какие-то сведения о творящейся на той стороне чертовщине. И ничего. Разведгруппы вернулись, доложив, что не встретили на той стороне ни одного живого человека, укрепления опустели, и, самое главное, все, что было возможно отодрать и унести с собой, было отодрано и унесено.

И такая картина творилась не только на линии соприкосновения. Пусто было и в многочисленных сельских населенных пунктах, на шахтах, электростанциях, на фабриках и заводах. И только в госпиталях советских солдат ждала страшная находка – сотни трупов немецких тяжелораненых, добитых ударом ножа прямо в сердце. Все следы эвакуации сходились в

несколько десятков точек, расположенных в крупных населенных пунктах, где беглецы исчезали бесследно, будто проваливались сквозь землю. Сгинула и вся техника панцеркорпуса СС, а также многочисленный гражданский транспорт, по военному времени переведенный на древесный газ и пропан-бутан (побочный продукт при производстве синтетического бензина). Вычищенными оказались и почти все складские запасы медикаментов и промышленных изделий, а также часть оборудования промышленных предприятий. Уже двенадцатого числа на месте этого чрезвычайного происшествия планетарного масштаба начала работать совместная советско-ватиканская следственная комиссия, и именно ее сотрудники сделали вывод, что всех, не желающих эвакуироваться, нацистские власти тут же приносили в жертву своему арийскому богу. Таких было немного, но они все-таки были. Потом стали находить выживших, сумевших в последний момент укрыться в развалинах и брошенных домах, когда живорезам из ордена СС было уже не до поиска спасающихся одиночек. «Они ушли вслед за своим новым арийским богом, – сообщили эти несчастные. – Ведь тот повел их в другой мир, полный жизненного пространства, заселенного слабыми и безвольными людьми, которых с легкостью можно обратить в своих рабов, взяв себе их дома, пашни, сады и женщин. Возвращение исключено, ибо здесь беглецов ждет беспощадная смерть от силы неодолимой мощи...» Ну и прочее бла-бла-бла, в стиле покойного к тому моменту душки Иозефа Геббельса о том, что немцы, не получившие возможности эвакуироваться в другой мир, уже умерли от рук кровожадных русских, мстящих за свои разрушенные города и погибших родных. Мол, на всей остальной территории Германии немецкая кровь уже течет по земле рекой, и только избранные поклонники нового арийского бога получили возможность спастись... Отдельным фактором под грифом «совершенно секретно» было пространное послание, которое фон Меллентин оставил своим победителям. Прочсть его удостоились только комиссар третьего ранга Антонова (в оригинале), кремлевский переводчик, да товарищи Сталин и Берия. И пока больше никто.

В предвоенном сороковом году население Силезии составляло около пяти миллионов человек, девяносто процентов которых были этническими немцами, в свою очередь на семьдесят процентов являвшимися фанатичными нацистами. Уж очень нехорошую память оставила по себе польская оккупация Нижней Силезии в двадцатых годах. А на территории Верхней Силезии, по Версальскому договору на двадцать лет отошедшей к территории Польши, в тридцать девятом году немцы встречали вермахт как армию-освободительницу. И теперь все эти люди – фьюить – исчезли в неизвестном направлении, оставив брошенными дома, шахты, электростанции, заводы и целые города. С другой стороны, с момента исчезновения группировки фон Меллентина на всей территории Европы не осталось ни одного очага вооруженного сопротивления, и даже, более того, Отец Лжи полностью потерял доступ в этот мир, что в дальнейшем будет иметь далеко идущие последствия. Правда, о последнем ни в Кремле, ни в Вашингтоне, ни даже в Ватикане, никто и не подозревал, по причине отсутствия специалистов с особыми талантами. Уж очень хорошо поработали старшие братья, захлопывая двери, ведущие прямо в ад. Земным раем от этого этот мир не станет (по крайней мере, сразу), но превратиться в inferno ему отныне не суждено. Прежде чем целиком реализуется потенциал местного человечества и цивилизация взметнется к звездам, предстоит еще немало трудов, но те, кто поставили мир на этот путь, навсегда войдут в его историю.

17 сентября 1943 года. 23:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий – Иосиф Виссарионович Сталин;

Начальник генерального штаба – генерал-полковник Александр Михайлович Василевский;

Генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия;

Специальный консультант Верховного Главнокомандующего – комиссар госбезопасности третьего ранга Нина Викторовна Антонова.

– Итак, товарищи, – сказал вождь, – необходимо констатировать, что война с гитлеровским нацизмом и этим, как его, сатанизмом, закончилась нашей полной победой во всех смыслах этого слова. Жалко, конечно, девятое мая, но есть мнение, что в нашем мире праздником Победы необходимо назначить шестое сентября. При этом нам удалось не только отбить вражеское вторжение и закончить войну в столице государства-агрессора, но и устроить послевоенные дела таким образом, чтобы с территории Европы к нам на советскую землю больше никогда не пришла война. И цена за такой результат была уплачена значительно меньшая, чем в с предыдущим варианте истории. Вместо восьми с половиной миллионов бойцов и командиров мы потеряли на фронте не больше четырех миллионов, причем половина этих потерь пришлось на сорок первый год – с его Белостокским, Минским, Уманским, Киевским и Вяземским котлами. Потери нашего гражданского населения тоже сократились с семнадцати с половиной до шести миллионов человек, что не может нас не радовать. При этом по результатам войны к Советскому Союзу присоединится территория Европы, имеющая население в триста пятьдесят миллионов человек, что почти утроило общую численность нашего населения. Не мы начали эту войну, не мы строили агрессивные планы, желая подчинить и поработить своих соседей, но теперь никто не должен осуждать нас за то, что мы по максимуму желаем воспользоваться плодами своей победы и предотвратить возможность будущих нападений на первое в мире государство трудящихся. Товарищ Антонова, вы хотите нам что-то сказать?

– Я, товарищ Сталин, – сказала та, вставая, – прежде чем обсуждать остальные вопросы, хочу предложить почтить минутой молчания память как павших в боях героев, так и невинных жертв этой войны. Десять миллионов погибших – это все же чертовски тяжелые потери, и было бы неправильно относиться к ним как к цифрам в бухгалтерском отчете. Простите, товарищ Сталин, если я что не так сказала...

– Да нет, товарищ Антонова, – сказал вождь, также вставая, – вы все сказали правильно и по полному праву. Мы прекрасно знаем, как вы и ваши товарищи отнеслись к этой войне и сколько сделали ради того, чтобы наша Победа наступила как можно скорее и была оплачена наименьшим количеством жертв. На товарища Бережного, с первого же дня запугавшего немцев до дрожи в коленях, мы сейчас просто молиться должны. А он не звездится, не наливается бронзой, не лезет в первые ряды, если это не очередная фронтовая операция – не то что некоторые куркули в генеральских мундирах. И сейчас товарищ Бережной тоже просит партию и правительство направить его корпус на Маньчжурский театр военных действий. И другие ваши товарищи также встали в общий строй и бились с врагом, не жалея жизни – каждый на своем месте, пока Зверь не был окончательно повержен... И готовы дальше биться за нашу Советскую Родину – с японцами, американцами, да хоть чертом в ступе.

– Так точно, товарищ Сталин, – подтвердил Василевский, – у Советского Союза нет более упорных и мотивированных бойцов, чем наши потомки. И ничего им не надо для себя, все только для дела. От десанта в Евпатории и до операции «Прометей» они честно и гордо взметнули славу Красной Армии на недостижимую высоту. Помянем тех, кто не дождал до их пришествия, а также тех, кто пал в боях, ломая хребет фашистского Зверя и приближая нашу окончательную Победу.

Наступила тишина. Вождь и самые ближние к нему люди, с которыми он решал девять десятых всех государственных дел, молчали, думая каждый о своем.

Когда минута молчания закончилась, Сталин обвел взглядом присутствующих и веско произнес:

– Но, товарищи, доставшаяся нам в результате войны Европа – это очень большой и очень жесткий кусок, и как бы нам не подавиться, кусая его широко открытым ртом. И в то же время опыт другого мира, из которого к нам пришли товарищ Антонова и ее товарищи,

говорит о том, что у нас просто нет другого выбора. Или мы сумеем освоить доставшуюся нам территорию со всем ее населением и промышленным потенциалом, или, несмотря на все наши несомненные успехи, система социализма под давлением превосходящей силы сначала подвергнется незаметной эрозии, а потом и развалится на радость нашим внутренним и внешним врагам. Если мы сейчас самоуспокоимся достигнутыми успехами и примемся поживать на лаврах, решив, что главное дело нашей жизни уже сделано, то это будет неправильно, да и просто неприлично. Победив в войне, мы теперь должны выиграть для народов Европы мир и устроить такую жизнь, чтобы не наши люди с завистью смотрели на заокеанскую буржуазную демократию, а совсем наоборот, чтобы простые американцы рвались уехать в СССР строить новую жизнь. И все предпосылки для такого развития событий имеются. Расширившийся Советский Союз уже контролирует около половины мирового промышленного производства, а военная угроза для нашей страны с западного направления сократилась до минимально возможных значений. Теперь то же самое необходимо проделать на восточном направлении. Товарищ Василевский, месяц назад мы давали вам задание просчитать общие контуры Маньчжурской наступательной операции, предназначенной поставить точку во Второй Мировой войне в целом...

Василевский кивнул и расстелил на столе две карты-склейки.

– Вот тут, – сказал он, постучав пальцем по одной из карт, – изображена Маньчжурская операция в том виде, в каком она была осуществлена в прошлом наших потомков. Тогда главными выгодополучателями от разгрома Маньчжурской армии стали Соединенные Штаты Америки и товарищ Мао, а Советский Союз в результате той войны получил лишь Курильский архипелаг, Южный Сахалин, а также затажной геморрой межкорейской гражданской войны и непотопляемый американский авианосец прямо у наших границ.

– Нам это известно, товарищ Василевский, – кивнул Сталин, – и поэтому мы уже приняли решение, как говорится, вывести американцев за скобки своих действий. Нечего им делать в нашем полушарии. А то мало ли – сегодня Рузвельт есть, а завтра на его месте окажется какой-нибудь антисоветчик-людоед вроде Трумена, Макартура или Эйзенхауэра. Совладение, которое задумала товарищ Антонова, это очень хорошо, но слишком неустойчиво. Один взбрык американских элит, посчитавших конфликт с СССР более выгодным, чем мирное сосуществование – и здравствуйте, госпожа Холодная Война. Нет уж, такими вещами лучше заниматься, когда мы будем по свою сторону двух великих океанов, а янки по свою. Именно поэтому побежденная Япония должна стать нашим, а не американским вассалом...

Василевский перешел ко второй карте.

– Составленный нами план Маньчжурской операции за номером два предусматривает для американцев только одну роль – благодарных зрителей, – сказал он. – Мы не намерены использовать даже их тяжелую авиацию, которую господин Рузвельт предлагает разместить в нашем Приморье в предвоенный период. Единственной возможной целью, которую американское командование может себе ставить, отдавая приказ на массированные налеты, является разрушение японского промышленного потенциала и массовое убийство гражданского населения. Как это бывает, мы видели во время американских попыток отбить Панамский канал, когда без всякого военного смысла и цели с лица земли стирались целые города. А нам в своей зоне ответственности этого не надо.

– Да, товарищ Василевский, – сказал Сталин, – такого счастья нам не надо. Завоеывая Европу, мы обходились авиационными ударами хирургической точности, и с Японией все должно быть так же. А американцы пусть скромно покурят в сторонке. Официальное обоснование такого шага – уже свершившийся раздел мира по полушариям. А теперь давайте посмотрим, где и сколько вы собрались вешать в граммах...

– План советско-японской войны рассчитан на три этапа, – сказал Василевский, – и Маньчжурская операция, включающая в себя освобождение южного Сахалина, является первым из

них. В боевых действиях, не считая полутора миллионов бойцов и командиров, уже находящихся на Дальнем Востоке и в Монголии, должны принять участие все четыре авиакорпуса ОСНАЗ, две бомбардировочные дивизии РВГК, дивизия Стратегической Авиации, оба корпуса морской пехоты, оба воздушно-десантных корпуса, три мехкорпуса ОСНАЗ, одна конно-механизированная армия и три десятка механизированных штурмовых бригад, которые планируется придавать стрелковым соединениям при прорыве вражеских укрепрайонов. В полосе 2-го Забайкальского фронта (командующий – генерал-полковник Черняховский), помимо 17-й, 39-й и 2-й ударной армий, действуют мехкорпус Лелюшенко, наносящий рассекающий удар в общем направлении на Чаньчунь-Гирин, и усиленная монгольскими цыриками конно-механизированная армия Буденного, продвигающаяся на юг в общем направлении на Пекин. Действия 2-го Забайкальского фронта с воздуха поддерживает авиакорпус ОСНАЗ генерала Руденко. Если нам удастся с ходу, пока все ошарашены и испуганы, захватить китайскую столицу и посадить там временное советское коммунистическое правительство, то это будет большой успех. В полосе 1-го Забайкальского фронта (командующий – генерал-полковник Малиновский) действуют 36-я и 2-я Краснознаменная армии, проводящие локальные наступательные операции на Хайларском и Цыцикарском направлениях. В полосе 2-го Дальневосточного фронта (командующий – генерал-артиллерии Говоров) действуют 15-я и 35-я и 1-я Краснознаменная армии, проводящие локальную операцию на окружение и уничтожение противника в Амурско-Уссурийском выступе. В полосе 1-го Дальневосточного фронта (командующий – генерал-полковник Горбатов) помимо 5-й и 25-й армий действуют: мехкорпус ОСНАЗ Рыбалко, наносящий удар на Гирин навстречу мехкорпусу Лелюшенко, и мехкорпус ОСНАЗ Бережного, прорывающийся на корейском направлении до самого Пусана. Действия фронта поддерживают авиакорпуса ОСНАЗ Полбина и Савицкого, а также обе бомбардировочные дивизии РВГК. Балтийский корпус морской пехоты и 2-й ВДК во время первого этапа операции поддерживают наступление мехкорпуса Бережного тактическими морскими и воздушными десантами. Отдельная шестнадцатая армия под командованием генерала Баграмяна, дислоцированная на северном Сахалине, совместно с авиакорпусом ОСНАЗ Худякова, а также первым воздушно-десантным корпусом и Черноморским корпусом морской пехоты генерала Криволапова, проводит операцию по освобождению южной части Сахалина, занимая исходные позиции перед десантом на Хоккайдо. Пополам, потом еще раз пополам, и еще раз пополам.

– Скажите, товарищ Василевский, – с сомнением в голосе произнес Сталин, – а не слишком ли толстый слой масла, меда и шоколада вы мажете на японский бутерброд? У господина Хирохито от такого угощения попа случайно не слипнется?

– Нет, товарищ Сталин, – ответил Василевский, – не слишком. Наши войска должны иметь над противником такое решающее качественное и численное преимущество, чтобы их натиск напоминал волну цунами, в считанные минуты захлестывающую бухту, то есть японскую группировку в Маньчжурии. После прошлогодних летних сражений, когда наши войска разом проглатывали вдвое большие немецкие группировки, такая задача нашим генералам, мне кажется, будет вполне по плечу. Кстати, пока еще имеется время на предварительную подготовку, возможна переброска кружным путем в обход зоны боевых действий в Петропавловск-Камчатский усиленной эскадры адмирала Ларионова в составе всех трех наших авианосцев, а также артиллерийских кораблей, которые будут действовать, опираясь на поддержку береговой авиации...

– А может, не надо впутывать в это дело наш флот? – спросил Верховный. – А то получится нехорошо. Пока там нет наших крупных кораблей, вместе со своим флотом вне игры останется и адмирал Ямамото, который в результате сдастся нам вместе со всей Японией. В противном случае возможны морские сражения с непредсказуемым исходом и потерями с обеих сторон, что в любом случае не усилит, а ослабит Советский Союз. Уже запланированных вами к переброске сил вполне достаточно для того, чтобы за одну-две недели прихлопнуть

японскую армию на Сахалине, в Маньчжурии и Корее и перейти к водным процедурам, то есть непосредственно к десантам на острова Хоккайдо и Кюсю. Уже после этого японский император может запросить прощенья, в силу чего третий этап вам может и не понадобиться...

– Японский император может капитулировать и не дожидаясь завершения Маньчжурской наступательной операции, – сказала Антонова. – Японская империя находится на грани физического истощения, ее армия и флот без всякой надежды на конечную победу ведут войну на огромной территории. Единственное, что могло бы спасти японцев – это массовое антивоенное движение в Америке, по образцу вьетнамского, но, атаковав Перл-Харбор, Япония нанесла американскому обществу такое оскорбление, что оно теперь требует от своего правительства только кровавой мести. Есть сведения, что хитрый план нового японского правительства заключается в том, чтобы, потерпев поражение от Советского Союза по формальным обстоятельствам, капитулировать перед нами как перед представителем силы неодолимой мощи, оставив американцев ни с чем.

– Насколько известно нашему ведомству, – сказал Берия, – прежде у Токио был в ходу план-максимум, состоявший в том, что, закончив разбираться с Гитлером, Советский Союз тут же перейдет к вражде с Соединенными Штатами Америки, ибо с такими друзьями нам и никаких врагов уже не надо. Но потом товарищ Антонова учинила идею Совладения, отложившую возможную американо-советскую конфронтацию на неопределенное будущее, после чего план-максимум сменил план-минимум, предусматривающий быструю капитуляцию перед СССР как наименее опасным и наиболее предсказуемым противником.

– Идея союза с самураями в их исходном, не прирученном виде, пахнет лишь чуть менее гадко, чем идея союза с Гитлером, – ответил Сталин. – Нет, наш народ такого союза бы не понял и не принял. Прежде чем дружить с японской нацией, на протяжении пятидесяти лет по своей инициативе развязавшей четыре кровопролитных войны и совершившей множество военных преступлений, ее необходимо как следует вздуть и объяснить, что так поступать нехорошо, потому что военное счастье переменчиво, а с побежденными надо поступать по-человечески. Да, мы будем разговаривать с господином Хирохито и его министрами, но только после того, как они бросят оружие и взмолятся о пощаде; так что единственное наше требование к нынешнему японскому режиму – это безоговорочная капитуляция и очищение всех оккупированных территорий, и только потом все остальное. Таким образом, есть мнение утвердить ваш план в общих чертах и перейти к его детальной проработке с учетом складывающейся политической ситуации. Пусть ВОСО начинает разрабатывать графики перевозок; срок готовности – девятое февраля будущего года, ровно в сороковую годовщину вероломного нападения Японии на наше государство-предшественник. Самураи и без дополнительных подсказок должны понимать, за что их бьют таким жестоким образом. А теперь идите и занимайтесь этим вопросом, а нам с товарищами еще предстоит обсудить некоторые политические аспекты предстоящей операции.

18 сентября 1943 года. 00:55. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий – Иосиф Виссарионович Сталин;

Генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия;

Специальный консультант Верховного Главнокомандующего – комиссар госбезопасности третьего ранга Нина Викторовна Антонова.

Когда Василевский вышел, Сталин обвел внимательным взглядом своих советников-соратников.

– Что наши военные сумеют разгромить японскую армию, у нас никаких сомнений нет, – сказал он. – Вопрос в том, чтобы потом наши победы не обернулись своей прямой противоположностью.

– Вы имеете в виду товарища Мао? – спросила Антонова.

– Не только его, – ответил Верховный, – потому что японский микадо и корейские товарищи тоже могут неплохо сплясать у нас на голове.

– Японский микадо, как лицо побежденное, будет находиться в совершенно особых условиях, – сказала Антонова. – Главное – соблюдать в его отношении этикет, не подвергая сомнению его божественное происхождение. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы людей не кушало. Корею при этом предпочтительно сделать Советской республикой, и Маньчжурию тоже. В нашем прошлом Маньчжурию и Тайвань к территории Китая, без консультации с советским руководством, на Каирской конференции в ноябре этого, сорок третьего года, официально прирезали Рузвельт с Черчиллем, но теперь это невозможно по определению. Рузвельт отныне не лезет в дела Старого Света, а Черчилль ведет переговоры с чертями в аду. Маньчжоу-Го, родовое владение маньчжурского клана Айсинь Гьеро, официально независимое государство, а на самом деле вассал Японской империи, после распада империи Цин уже не имеет к нынешней Китайской республике никакого отношения. Если императора Пу И опять захватят в плен наши войска, то эту операцию можно будет провернуть в одно касание, по схеме, уже примененной в отношении Румынии и Болгарии...

– А вот это весьма интересное предложение, – сказал вождь. – А Тайвань-Формозу и в самом деле можно отдать Китаю – только не умирающему гоминьдановскому, а нарождающему коммунистическому. И кстати, как, по вашему мнению, мы должны относиться к господину Чай Кайши?

– К Чан Кайши, товарищ Сталин, не следует относиться вообще никак, – ответила Антонова. – Он был для Советского Союза вынужденным партнером и, получая от вас помощь, не прекращал вражды со своими китайскими коммунистами, несмотря на то, что те в полной мере выполняли установки на создание единого антияпонского фронта. А когда летом сорок первого года дела у Советского Союза пошли не столь хорошо, как прежде, этот патологический приспособленец полностью дистанцировался от Советского Союза, изгнав с подконтрольной гоминдану территории наших военных специалистов, торговые и дипломатические миссии. Очухалось это существо только год назад, когда Советский Союз одержал свою первую грандиозную победу, а американцы и англичане потерпели катастрофические поражения. Теперь он для вас должен быть и не друг, и не враг, а так, пустое место. Посмотрим, сколько он продержится в гражданской войне против своих коммунистов без англо-американской поддержки и возможности отступить на Тайвань, под защиту американских войск.

– С одной стороны, товарищ Антонова, вы, конечно правы, – сказал Верховный. – Но, с другой стороны, и вождь китайских коммунистов товарищ Мао сам по себе – это что-то совершенно особенное. Еще в сорок первом году, когда Красная Армия терпела от вермахта одно поражение за другим, этот деятель мирового коммунистического движения, как и господин Чан Кайши, также начал потихоньку отбиваться от рук. Сначала мы не особо обращали внимание на вскипевшую в китайской компартии кампанию по улучшению стиля партийной работы, ибо почти не понимали китайской специфики подобных процессов. Но потом, когда партийных руководителей, стоящих на марксистско-ленинских позициях и проводящих линию Коминтерна, начали шельмовать в китайской партийной прессе, обвиняя в догматизме, нас охватила определенная тревога. После чего мы сначала мягко, а потом все жестче и жестче, стали одергивать зарвавшегося восточного царька, тем более что к тому моменту имя Мао для нас уже не было пустым звуком. Дошло даже до угрозы исключения КПК из Коминтерна и фактического роспуска партии для того, чтобы пересобрать ее на новом основании. В настоящий момент кампания чженфэн почти свернута, но все ключевые функционеры остались на

своих местах, и когда мы разгромим японскую армию и устраним главную угрозу существованию КПК, ничто не мешает товарищу Мао взяться за прежние методы руководства и довести свой замысел до конца.

– В таком случае следует действовать по принципу «нет человека – нет проблемы», – жестко сказала Антонова. – Товарищ Мао не должен дожить до начала освободительного похода Красной Армии в Маньчжурию, Корею и Северный Китай. И эта смерть никак не должна быть связана с Советским Союзом, и, более того, вы, товарищ Сталин, пошлете китайским товарищам свое соболезнование, ибо смерть унесет из наших рядов настоящего коммуниста, верного борца за дело Ленина-Сталина. Ну а потом можно будет определиться с тем, кто займет место павшего бойца в руководящих рядах китайской компартии.

– Ах, даже так, товарищ Антонова... – хмыкнул Сталин. – А мы думали, что вы предложите нам какой-нибудь такой тонкий ход – например, как с Папой Римским...

– В отношении товарища Мао не может быть никаких тонких ходов, – покачала та головой. – Бешеного шакала, любой ценой стремящегося к монополюльной личной власти, никаким путем не получится перевоспитать в ответственного политика, действующего исключительно в интересах своей страны и партии. Посмотрите на историю товарища Мао – и вы поймете, что стало бы с Советским Союзом, если бы наследником товарища Ленина стал гражданин Троцкий... Оба же одного поля ягоды: сын мелкого помещика и сын зерноторговца средней руки – оба решили на плечах революционного движения подняться на самый верх политической пирамиды, оба шли по трупам миллионов, только один оказался на свалке истории, а другого мудро решили забальзамировать в мавзолее, и не трогать ни при каких политических пертурбациях, ибо развенчание культа личности Мао нанесло бы по Китаю такой удар, от которого он никогда не смог бы оправиться. Отправив этого человека во тьму внешнюю прямо сейчас, пока он еще не непогрешимый Великий Кормчий, а один из многих политических функционеров, в будущем мы избежим множества серьезных проблем на китайском направлении.

– Лаврентий, – сказал вождь, в задумчивости крутя в руках свою ставшую уже раритетом трубку, – займись этим вопросом. Подбери кого-нибудь, в ком никак нельзя заподозрить советского человека, и подведи его к Мао на дистанцию прямого удара. Неважно, что это будет: яд, бомба, снайперская пуля или нож под ребро – но этот персонаж должен быть гарантировано мертв, причем эта смерть должна быть записана на счет японской агентуры. А мы, со своей стороны, силами Коминтерна обрушимся на китайскую компартию с критикой ревизионизма, волюнтаризма, и стремления некоторых товарищей к монополюльной личной власти. К новому, тысяча девятьсот сорок четвертому году китайская компартия должна быть приведена в нормализованное состояние, пригодное к тому, чтобы взять власть в освобожденной части Китая и выиграть гражданскую войну против гоминдана. При этом следует помнить, что товарищ Сталин тоже не безгрешен, он тоже делал ошибки и испытывал головокружение от успехов. Но все это – от отсутствия опыта, ибо никто прежде не строил государство рабочих и крестьян, которому предстояло выстоять в полном одиночестве против враждебного капиталистического окружения, и от торопливости, ибо угроза неумолимо надвигающейся новой мировой войны была очевидна ему с самого начала. О чем-то товарищ Сталин не жалеет, в чем-то он раскаивается, но по большому счету все было сделано правильно, ибо даже без помощи из будущего Советский Союз успел развить достаточную промышленную мощь и выйти победителем из Большой Войны. И на этом на китайскую тему, пожалуй, все. К этому разговору мы вернемся после того, как будут выполнены уже поставленные нами задачи. Сейчас я хотел бы знать, что товарищ Антонова думает по поводу откровений господина фон Меллентина, которыми он решил с нами поделиться, прежде чем навсегда покинул наш мир.

– Ну что тут можно сказать... – пожала плечами Антонова. – Тему множественности миров лучше всего было бы обсуждать с товарищами Капицей и Ландау. Впрочем, эта информация для нас и без того не новость, ибо мы сами проникли в этот мир похожим образом.

Лично я думаю, что вся эта магия и явления «божественного» порядка – не более чем проявления непознанных пока людьми неких природных сил, заниматься которыми должны физики, а не политики. Все остальное тоже не является каким-либо откровением, меняющим для нас картину окружающего мира. Тот, кому Гитлер предан своей душой и телом, является не только нашим личным врагом, но и врагом всего человеческого рода, и информация о том, что после смерти своего главного вассала он потерял возможность доступа в наш мир, не может нас печалить. Возможно, теперь Америка и в самом деле не превратится в ту гниющую клоаку, которой она была в родном для нас мире, но я бы не стала уповать на неизбежность этого процесса. Алчность, зависть и злоба американской буржуазии, утратившей возможность достижения мирового господства, никуда не делись, и они способны сотворить на ровном месте нового Сатану, ничуть не менее опасного, чем прежний. Это Предначальный Творец един для всех сущих миров, а вот разных демонов может быть очень много, ибо они порождаются исключительно несовершенством человеческой природы. Все, что мы можем сделать на этом пути – это воспитывать человечество на идеалах марксистско-ленинской справедливости и христианской любви к ближнему – и тогда Сатане в нашем мире просто не останется места.

– Вы предполагаете, что мы должны поделиться этой информацией с Лаврой и Ватиканом? – с интересом спросил Сталин.

– С Лаврой – вряд ли, – ответила Антонова. – Православная Церковь действует исключительно в границах уже существующей советской системы, и должна послушно исполнять спущенные сверху ценные указания. Товарищ Карпов в этом случае вам в помощь. Точно так же когда-то византийские базилевсы, начиная с Константина Великого, рулили Константинопольскими патриархами, и те послушно исполняли их волю. Ощущение цезарепапизма, то есть главенства высшей власти, заложено в православное мироощущение на уровне фундамента, и посвящать патриарха и его клир в секретные подробности будет совершенно излишним. Достаточно им и того, что они знают о нашем инновременном происхождении и о Голосе, дававшем нам перед забросом последние наставления, в силу чего шарахаются от нас как черти от ведра святой воды. Ибо каждый из них грешен в том или ином виде, а мы им представляемся кем-то вроде младших апостолов, принесших в этот мир непререкаемую Божью Волю. Совсем другое дело с Ватиканом. Структура эта – вполне самостоятельная, имеющая влияние далеко за пределами советских границ, а папа Пий – умнейший человек, жадно впитывающий любые крупинки информации свыше. Пожалуй, мне бы стоило совершить еще один визит в Рим, встретиться с этим незаурядным человеком с глазу на глаз и без посторонних ушей обсудить сложившиеся обстоятельства. Ведь, в конце концов, в том, что Отец Лжи потерял доступ в наш мир, есть и его заслуга, и еще больше пользы он сможет принести нашему делу в том случае, если Америка все же сорвется с траектории Совладения на свой прежний путь безудержной антисоветчины...

– Пожалуй, вы правы, – кивнул Верховный. – Есть мнение, что папу Пия следует наградить орденом Победы, и вручить столь высокую награду этому незаурядному человеку мы доверим именно вам, как нашему специальному представителю по Европе. Так как ваш визит в Ватикан будет полностью замотивирован, ни у кого не возникнет никаких вопросов, чего это товарищ Антонова теперь мотается в Рим как на службу. На этом, товарищи, наш разговор можно считать законченным. Цели определены, задачи поставлены, и теперь – за работу.

**20 сентября 1943 года, Утро. Германия, Берлин, у Бранденбургских ворот.
бывший штабс-капитан ВСЮР, а ныне майор РККА Петр Петрович Одинцов.**

В ознаменование победы над нацистско-сатанинскими силами советское командование решило устроить в Берлине парад Победы – и наша бригада (точнее, ее сводный батальон, составленный из самых-самых отличившихся господ офицеров) тоже приняла в нем участие. Войска к торжественному маршу выстраивали на Шарлоттенбургском шоссе. Кого там только не было! Помимо сводного батальона нашей бригады, к этому событию готовились сводный

батальон польской народной армии, сводный штурмовой батальон частей народно-освободительной армии Югославии (рядом с этими парнями мы сражались в Загребе), сводные батальоны болгарской и румынской армий, бургский спецполк имени генерала Де ла Рея (сам по себе не больше иных батальонов), сводный батальон чехословацкого корпуса Людвиг Свободы, британский сводный батальон, наполовину составленный из моряков, наполовину из летчиков, никого не предавших и от начала и до конца сражавшихся с общим врагом, а также сводные батальоны советских фронтов, поставивших точку в существовании злосчастного Третьего Рейха. Позади пехотных коробок готовилась к маршу прославленная красная кавалерия, а вслед за ними – сводные батальоны четырех советских мехкорпусов.

Не в пример раздолбаным в пыль Белграду, Загребу или Константинополю, Берлин казался почти не затронутым войной. И даже Рейхстаг, в другой истории (как нам было известно от Александра Васильевича (*Тамбовцева*)) разрушенный почти до остова, тут выглядел почти неповрежденным. Единственное сходство между той и другой историей в том, что и тут стены германского парламента оказались покрыты самыми разнообразными автографами солдат-победителей. Мы с Олегом тоже улучили момент и, вооружившись кистью и краской, оставили на этом историческом памятнике свои имена. История Третьего Рейха началась с поджога нацистами Рейхстага, и теперь русские солдаты поставили под ней окончательную точку и свои многочисленные подписи. Было видно, что некоторые солдаты и офицеры подписывались не только за себя, но и за целые подразделения, а некоторые надписи были сделаны латинским шрифтом.

В отличие от всего прочего Берлина, вдребезги разрушенной оказалась улица Вильгельмштрассе, вдоль которой располагались здания большинства германских министерств и ведомств. Во время того налета, когда был уничтожен Гитлер, авиация красных постаралась вбить в прах этот оплот прусского государственного гонора, и тем самым лишила остатки Третьего Рейха даже слабого подобия централизованного управления. Проезжую часть улицы уже расчистили от обломков и битого кирпича, трупы из-под закопченных развалин вытащили, идентифицировали и похоронили, и сейчас руины некогда величественных зданий говорят о том, что вот так проходит слава мира. Еще недавно эти люди планировали завоевать весь мир, и ради этого ввергли Европу во множество несчастий и смертей – и теперь все они мертвы, и, самое главное, мертв так называемый «вождь германского народа» Адольф Гитлер.

Не спасли новоявленного Антихриста ни ПВО Берлина, которую красные смели концентрированным ударом всей своей авиации, ни вышколенная эсесовская охрана, ни восемь метров армированного железобетона. Теперь «фюрербункер» напоминает пустой корень выкрошившегося зуба. Сверхмощная бомба, поразившая это титаническое сооружение, буквально вывернула его наизнанку. Из числа тех, кто укрывался вместе с Гитлером в этом последнем убежище, не выжил вообще никто. Тут никто не ставит своих подписей, и пробраться к этому месту можно только по узкой ненадежной тропке среди развалин новой рейхсканцелярии. Охраны тоже нет, приходи и смотри кто хочет, да только мало кто это делает. А вот мы с Олегом сходили и посмотрели, о чем нисколько не жалеем.

И вот – парад. Блеск золота погон, как во времена «до без царя», сырой северо-западный ветер колышет тяжелый алый бархат боевых знамен, над батальонными коробками стрелковых частей серое облачное небо царапает щетина штыков. Духовой оркестр играет мрачно-торжественную мелодию, а губы сами повторяют слова:

*«День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты, обгорелые в пыли, –
Этот день мы приближали, как могли...».*

И лица боевых друзей перед глазами – не только тех, что погибли в Белграде, Константинополе или Загребе, но и павших еще на первой Германской войне. Это и их праздник тоже. Тогда мы, в силу внутренней слабости империи Романовых, не смогли одолеть жестокого врага и войти парадным маршем в его поверженную столицу, а красный император Иосиф Сталин сумел привести свою армию на берлинские мостовые, пусть даже не до первого листопада, а за два года тяжелейшей войны. И вот мы здесь – и за себя, и за тех, кто не дошел.

Звучит команда – и тысячи ног, обутых в тяжелые сапоги, отбивают первый шаг. Смотрите, берлинцы – идут русские солдаты-победители. И неважно, что в строю также сербы, поляки, болгары и румыны; главный герой этого дня – русский солдат. Первым идет польский батальон: с боев на Вестерплатте эта война началась; заканчивая ее, новая польская армия вместе с ударными советскими частями зачищала агонизирующий Берлин, и потому полякам символически доверено открывать парад Победы в Берлине. За польским батальоном мерно шагают коробки победоносных красных фронтов. А уже за ними идем мы: штурмовые автоматы и автоматические карабины прижаты к груди, позвякивают кресты за ТУ войну и советские медали с орденами за ЭТУ, взгляд устремлен вперед, а в памяти – события двух минувших войн. Возможно, именно эта минута окончательно примирила нас с раскинувшейся от океана и до океана большевистской Россией, и красное знамя бригады, под которым шагает наш бессменный командир генерал Деникин, кажется нам уже «своим». Для Антона Ивановича это уже четвертая война. Три предыдущих закончились унижительными поражениями, и вот теперь, на склоне лет, он, гордо выпрямив спину, идет в рядах победителей.

Я знаю, что за нами шагают батальонные коробки союзных армий, а за ними, где-то далеко позади, раздается цокот копыт кавалерии и приглушенно урчат моторы танков и бронемашин. Рассекающее Тиргартенский парк Шарлоттенбургское шоссе заканчивается, и впереди показались Бранденбургские ворота, у которых установлена трибуна, затянутая красным кумачом. На ней – прославленные генералы и маршалы этой войны, сумевшие насмерть забить германского зверя и взять штурмом его логово, а внизу, под трибуной – два драгунских унтер-офицера прошлой войны и маршалы Победы этой. Маршал Рокоссовский командует парадом, маршал Жуков его принимает. Поговаривают, что командовать парадом хотели доверить пришельцу из будущего господину Бережному, командующему первым мехкорпусом ОСНАЗ, но он отказался от этой чести, не чувствуя себя достойным со словами: «Я всего лишь как можно лучше старался делать свое дело».

Вот наш сводный батальон прошел под аркой Бранденбургских ворот и вышел на улицу Унтер-ден-Линден. Дома, возвышающиеся по обе стороны улицы, не имеют никаких следов войны, за исключением множества белых флагов, колышимых ветром, и таких же белых (от испуга) лиц берлинцев в распахнутых окнах. Уже почти месяц Берлин живет при русской власти, и эти люди до сих пор ждут, когда ужасные казаки кинутся их насиловать и убивать. И сейчас они смотрят на шагающую внизу мощь и трепещут от ужаса. Еще совсем недавно под барабанный бой по этой улице маршировали солдаты в мундирах цветы мышинных шкур, и тогда обитатели этих домов, высываясь из окон по пояс, кричали что-то восторженное, размахивали нацистскими флагами и бросали вниз цветы. Теперь солдаты, пошедшие в завоевательный поход на Восток, мертвы или находятся в плену, а под окнами домов маршем победителей идут те, кого они хотели обратить в своих рабов.

Но это, как говорится, дело житейское, такое в истории случалось уже не раз; гораздо хуже та легкость, с которой немцы вслед за своим фюрером обратились к поклонению Сатане. Теперь они каются и заявляют, что вернулись к вере своих отцов, но как напоминание об их грехопадении за мостом через Шпрее возвышаются обугленные руины Берлинского собора, превращенного поклонниками нового арийского бога в омерзительное капище. Сражаясь с германскими полчищами, нечто подобное мы неоднократно встречали на фронте. Нам доводилось врываться в капища прямо во время богомерзких мистерий и до последнего служки

истреблять обезумевших черных жрецов. Ныне же этот Зверь мертв, и мы идем по городу, превращенному им в свою столицу, эпицентр ужаса и боли. Пусть видят все: такое не повторится никогда, потому что гордые выи поклонников Сатаны навсегда придавила нога русского солдата.

Тогда же и почти там же.

Командир отдельного южноафриканского полка специального назначения имени генерала Де ла Рея полковник Пит Гроббелаар.

Наша отправка домой немного задержалась, потому что спецполк имени генерала Де ла Рея был удостоен чести принять участие в параде Победы в поверженном Берлине. Это торжество никак не могло обойтись без нас, простых бурских парней, ведь именно мы стояли на острие большинства русских ударов. Мы согласились в том числе и потому, что именно на этом параде нам предстояло впервые выступить под своим национальным флагом независимой Южноафриканской республики. Разумеется, мы предпочли бы, чтобы этот парад состоялся в Лондоне, но это было исключено. Как сказал господин Сталин, мы уже сделали для наших порабощенных все, что могли. Теперь то, что осталось от Британской империи, превратилось в самую обыкновенную европейскую страну, вроде Бельгии, которая еще вполне может развалиться на Англию, Шотландию и Уэльс...

Решая, каким будет этот флаг, после недолгих споров мы остановились на оранжево-бело-синем флаге ЮАС, только без изображений флагов Британии, Свободного Оранжевого государства и Республики Трансвааль на его белой полосе. Британия отныне не имеет к нам никакого отношения, и ее королева для нас посторонний человек, а Оранжевая и Трансвааль – это наше прошлое, к которому уже не будет возврата. Наравне с этим национальным флагом наши знаменосцы несли красное боевое знамя спецполка, выданное нам при формировании части. Теперь, когда наш спецполк расформируют, это знамя, согласно правилам, следовало бы сдать в музей русского военного министерства, но я попросил этого не делать. Под ним мы завоевали право на свою независимость, оно полито кровью настоящих бурских парней, а потому эта боевая святыня должна храниться в нашем музее, чтобы поколения наших детей и внуков помнили, с чего все начиналось.

Мы шагаем по Берлину. У Бранденбургских ворот на трибуне – о, да тут полно знакомых лиц! – наш суровый, но добрый ангел госпожа Антонова и боевой наставник нашего спецполка генерал Гордеев, а рядом с ними еще какие-то люди, явно из той же железной когорты пришельцев из будущего. Под трибуной, на высоких конях, как рыцари Апокалипсиса, восседают два главных на данный момент русских генералов – господин Жуков и господин Рокоссовский. Главная битва Добра со Злом была выиграна под их руководством, и, проходя строевым шагом мимо, мы отдаем им честь, как главным героям этого дня. За аркой Бранденбургских ворот начинается улица Унтер-ден-Линден (можно сказать, одна из главных улиц Берлина), и из окон в напряженном молчании на нас сверху смотрят тысячи глаз побежденных немцев. В отличие от русских, у нас нет на них зла. Они, конечно, сумасшедшие, раз пошли за Гитлером, но эту дурь из них вполне можно выбить. И тут я подумал, что далеко не все из этих немцев захотят жить при советской системе, и лучше бы им разрешили эмигрировать к нам в Южную Африку (разумеется, за исключением тех, кто совершал военные преступления и приносил на алтарях жертвы своему Темному Богу). Они вполне могли бы укрепить собой нашу Южноафриканскую республику, и одновременно ослабить сопротивление большевистским преобразованиям в Германии. Надо поговорить на эту тему с госпожой Антоновой, раз уж все равно она здесь.

Тогда же и почти там же, трибуна у Бранденбургских ворот.

Писатель-фантаст и инженер-исследователь Роберт Энсон Хайнлайн (36 лет).

Случилось так, что «мамочка» и мистер Ларионов предложили нашей троице посмотреть на парад Победы в Берлине с трибуны для почетных гостей, и мы не отказались. Еще бы! Подобные события бывают не чаще, чем раз в поколение, а если мы хорошо сделаем свое дело, то в дальнейшем ничего подобного уже не будет, потому что при наступлении Совладения крупные внутрипланетные войны уйдут в историю. А сейчас – исторический момент: дядя Джо доел европейский пирог и, промокнув губы салфеткой, с интересом начал приглядываться к копошащимся на Дальнем Востоке узкоглазым макакам. За ними перед русскими тоже имеется должок. Сорок лет назад Японская империя, расчищая для себя жизненное пространство на континентальных просторах, без объявления войны напала на русские силы в Порт-Артуре и в Корею. Победить им тогда позволила внутренняя слабость Российской империи, да еще то, что на их стороне были Великобритания и САСШ. Но теперь все совсем не так. Большевицкая Россия сильна как никогда, и еще усиливается с каждым днем, Великобритании как глобального игрока больше нет, а наша Америка настолько разозлена нападением на Перл-Харбор и прочими поражениями этой злосчастной войны, что не пошевелит и пальцем, даже если дядя Джо будет жарить несчастных джапов прямо живьем. Более того, мы бы и сами их зажарили, да только руки у нас пока для этого коротки. Адмирал Ямато выстроил такой оборонительный периметр, что приступить к его штурму мы сможем не ранее второй половины сорок четвертого года. А к тому времени русские уже закончат все свои дела с Японией, обойдись без всякой помощи с нашей стороны. Как заявила нам «мамочка», русские генералы сами решат, где, когда и с какой силой они нанесут свои удары.

А вот и ударная сила. Я вообще-то специалист больше по флотской части, и «старших братьев» изучал в основном на русском авианосце из будущего, но даже мне было понятно, что эти лязгающие гусеницами массивные танки, покрытые бугристыми плитками дополнительной защиты, и шустрые боевые бронемшины пехоты являются абсолютным оружием в сухопутных сражениях. Возглавляла колонну бронетехники командирская бронемашина, из ее люка по пояс возвышался неизвестный мне русский генерал. И тут я понял, что вижу еще одного пришельца из будущего, наряду с мамочкой и мистером Ларионовым направляющего ход исторических событий. Я имею в виду генерала Бережного, по ходу своей деятельности в этом мире так запугавшего своих немецких коллег, что те дали ему леденящее прозвище «Вестник Смерти». Ага – мистер Рокоссовский и мистер Жуков, восседая на своих лошадях, тоже отдали честь этому человеку. И ведь не скажешь, что в нем есть что-то особенное: обыкновенный сухощавый мужчина средних лет – одним словом, внешность, совсем не соответствующая его грозной славе...

– Миссис Антонова, – тихо сказал я стоящей рядом «мамочке», – не могли бы вы представить нас мистеру Бережному? Не из праздного любопытства ищем мы этой встречи, а только ради общей пользы.

– Хорошо, Роберт, – ответила она, – это случится сразу после парада на торжественном обеде в здании Советской Военной Администрации¹. Тебя устроит такой вариант?

– О да, мэм, – сказал я. – Кстати, мистер Бережной говорит по-английски, или нам понадобится переводчик?

– Не беспокойся, Роберт, – ответила мне «мамочка», – Вячеслав Николаевич – по прежней службе офицер Главного Разведывательного Управления, а потому прекрасно владеет языком вероятного противника...

Эти слова «мамочки» привели меня в смущение, а в чем-то даже и в ужас. Если мистер Бережной с самого начала своей военной карьеры был приучен ненавидеть американцев, то Боже, спаси Америку – в том случае, если этот человек будет давать свои советы дядюшке

¹ Советская Военная Администрация расположена во дворце Кронпринцев, Немецкая Гражданская Администрация находится по соседству через проток реки Шпрея в Городском Королевском дворце.

Джо. В свете этого знания лязгающая перед трибуной бронированная мощь, танки, боевые машины и самоходные орудия выглядели уже несколько по-иному – как возможная угроза, а не только средство решить японскую проблему. Но тем важнее встретиться с этим человеком и понять, насколько мои опасения соответствуют истине. Я надеюсь, что, когда дядюшка Джо порешает все свои дела в Старом Свете, значение мистера Бережного уменьшится, и в то же время возрастет важность мистера Ларионова и миссис Антоновой, с которыми мы уже сумели найти общий язык.

20 сентября 1943 года, час пополудни. Германия, Берлин, Советская Военная Администрация (дворец Кронпринцев).

Командующий первым мехкорпусом ОСНАЗ генерал-лейтенант Вячеслав Николаевич Бережной.

И вот мы победили. Чистый профит от нашего участия в войне: минус полтора года и минус шестнадцать миллионов погибших, в плюсе – продвижение не до Эльбы, а до Атлантики и возможность включить все эти территории в состав СССР, минуя стадию «стран народной демократии». Константин Константинович (Рокоссовский) рассказывал, что примас Испании, архиепископ Толедский, торжественно вручая ему, как советскому наместнику, государственные регалии испанского королевства, назвал Иосифа Виссарионовича христианнейшим королем. Правда, Адик умудрился начудить не по-детски, придумав этот дурацкий культ нового арийского бога, но и с этой проблемой мы справились вполне приемлемо. Теперь Европа не только побеждена военной силой, но и уничтожена морально. Один Папа Римский цветет и пахнет – как наш главный союзник. Моя совесть, вполне удовлетворенная таким результатом, говорит, что «сделано хорошо». Теперь главное – ничего не запороть, ибо, когда смолкают пушки, изо всех щелей на руководящие посты начинает выползать разная откормленная мерзость, пересидевшая горячее время в ташкентских и новосибирских эвакуациях.

От этих мыслей меня оторвала Нина Викторовна Антонова – она подвела ко мне трех молодых людей «в штатском».

– Знакомься Вячеслав Николаевич, – сказала она по-английски, – вот эти три молодых человека – будущие светочи американской литературы и неофициальные спецпредставители президента Рузвельта по вопросам государственного строительства. Вот тот, с тонкими усиками, похожий на киношного Ретта Батлера – это Роберт Хайнлайн, рядом ним – Леон Спрег де Камп, а третий молодой человек – это Айзек Азимов.

Кто-нибудь еще, услышав подобное, наверно, затопал бы ногами и завопил: «Пиндосы!» и кинулся расстегивать кобуру пистолета. Но я не кто-нибудь, а эти трое уж точно не были пиндосами нашего времени. Хотя немного внешней суровости тут явно не помешает. Уже сложившееся реноме следует поддерживать.

– Очень приятно с вами познакомиться, джентльмены, – сказал я с вежливой улыбкой голодного тигра. – А теперь скажите, что привело вас к старому солдату, чья рука устала рубить врагов своего Отечества?

– Мистер Бережной, – сказал Ретт Батлер (тьфу ты, Роберт Хайнлайн), – мы опасаемся, что в числе врагов вашего Отечества однажды окажемся и мы, американцы...

– Ну кто ж вам доктор, мистер Хайнлайн... – пожал я плечами, – не оказывайтесь, и будет вам счастье. До тех пор, пока ваши политики не пытаются вмешиваться в дела остального мира, они нам тоже не интересны. А вот если начнется то, что было в нашей истории, тогда кто не спрятался, я не виноват. Я полностью согласен с мнением присутствующей здесь Нины Викторовны, что двум нашим нациям стоит жить мирно, дружно, но несколько порознь, но при этом сомневаюсь, что это реализуемо...

– Но почему, мистер Бережной? – спросил Леон Спрег де Камп.

– А потому, – ответил я, – что главным драйвером американской политики, неважно внешней или внутренней, является безудержная алчность капитанов вашего крупного бизнеса, желающего весь мир превратить в свою кормовую базу. А это те же причиндалы, что и у Гитлера, только вид в профиль. Могу вас уверить, что если после капитуляции Японии ваше государство не свернет свои военные программы, то мы все пойдем правильно, невзирая на то, кто будет сидеть в Белом Доме. И тогда пишете завещание потомкам, если они у вас еще будут.

– Да, мальчишки, этот так, – вздохнула товарищ Антонова, – и мы с вами по этому поводу уже говорили. Мы люди злые и недоверчивые, и Вячеслав Николаевич – самый недоверчивый из нас. Такая уж у нас общая история...

– Но тогда, мэм, какой смысл в нашей работе, если вы и без того знаете все наперед? – спросил Роберт Хайнлайн.

– Смысл есть, Роберт, – ответила она. – Сначала следует попытаться решить все вопросы «по-хорошему», и только в случае неудачи переходить к силовому противостоянию. И это мы с вами тоже уже обсуждали, как и то, что Советский Союз никогда не станет инициатором конфликта, если его к тому не вынудят. Мирное соревнование двух систем гораздо предпочтительней новой мировой войны.

– Не будет никакого мирного соревнования – точнее, вы нас в нем задавите, – с горечью произнес Леон Спрег де Камп. – Мы тут посчитали и пришли к выводу, что, несмотря на равенство экономических потенциалов между двумя половинами земного шара, вы забрали или заберете в ближайшее время себе две трети общемировых рынков сбыта, на которых имеется платежеспособный спрос. В тот момент, когда будут отменены военные заказы, наша промышленность испытает жесточайший шок от недогрузки мощностей, а ваши заводы будут работать с полной нагрузкой на восстановление разрушенного и на удовлетворение потребностей вашей огромной социальной системы. Нам не помогут даже открытые рынки, потому что ваши товары всегда будут опережать наши по новизне, и в скором времени товарный поток развернется в противоположную сторону.

– Леон, – строго сказала Нина Викторовна, – ты же знаешь, что Совладение предусматривает поэтапное предоставление вашей стране лицензий на изделия невоенного назначения. Конечно, вашим компаниям придется платить Советскому Союзу лицензионные отчисления, но три с половиной процента от оптовой цены не кажутся мне серьезными деньгами, способными задуть вашу экономику.

– Но, мэм, – ответил тот, – мы предполагаем, что наш крупный бизнес обладает такой тяжелой инерцией мышления, что его придется еще долго убеждать, что предлагаемые ему лицензии когда-нибудь смогут принести прибыль. И в результате наша промышленность по степени новизны товаров долго будет плестись у вас в хвосте, а это как раз путь к проигрышу того самого мирного соревнования. Ведь ваша система будет раздавать эти лицензии в директивном порядке: «ты будешь делать это, ты – это, а ты – это» и тут же формировать на новые изделия государственный заказ. А у нас так нельзя: государственный заказ возможен только в военной промышленности, которую вы нам хотите урезать до минимума.

– Да наплюйте вы на этот крупный бизнес, – сказал я. – По тем изделиям, что не требуют большого начального финансирования, раздавайте лицензии средним и мелким предприятиям, и даже инициативным одиночкам. Вам рассказать про одну американскую компанию мирового уровня, которая началась с набора деталей за двести долларов, гаража и двух энтузиастов с паяльниками? И не стоит жалеть крупные корпорации, которые разорятся, потому что несколько лет назад поленились нагнуться за копеечкой. В вашем капиталистическом обществе это вполне естественный процесс. По тем направлениям, которые требуют значительных начальных капиталов, ваше государство могло бы на бюджетном финансировании начать дело, вывести его на прибыльность, а потом открыть продажу долей тем, кто убедится, что эта

овчинка стоит выделки. А деньги, вырученные от этой операции, ваше правительство сможет пускать на дальнейшее развитие и социальные программы...

– О, мистер Бережной, это идея! – воскликнул Роберт Хайнлайн. – Недаром про вас говорят, что вы лучший тактик из русских генералов...

– На этой оптимистической ноте давайте прекратим разговоры о политике и экономике и перейдем к вопросам литературы, – сказал я. – А как же – прийти к источнику и не напиться? В этом отношении меня больше все интересует ваш юный молчаливый друг, который, как мне известно, в настоящий момент работает над своим первым крупным романом «Основание». Вопрос «Почему распадаются империи и как этого избежать?» фундаментален и требует внимательного рассмотрения.

Тогда же и там же.

Писатель-фантаст и инженер-исследователь Роберт Энсон Хайнлайн (36 лет).

Вот и поговорили с мистером Бережным. Он оказался чуть жестче, чем мистер Ларионов или «мамочка», но в то же время никакой паталогической ненависти к американцам я не заметил. Если мы поведем себя так же, как и в «прошлый раз», то он будет давить наших джигунами своих танков везде, где найдет, с тем же презрительным равнодушием, как и вермахт гуннов. Но в то же время он считает, что из американцев так же бессмысленно делать русских, как и наоборот, поэтому лучше всего открыть границы для движения людей, чтобы те граждане Большевицкой России, которые видят в Америке светоч демократии, уехали к нам и попытались по возможности устроиться в условиях американской действительности. В свою очередь, американцы, жаждущие коммунизма, наоборот, имели бы возможность поехать в Россию и влиться в ряды строителей Светлого Будущего. Ни там, ни там об уехавших плакать не будут.

Но этот разговор случился уже позже, когда всех приглашенных на торжественный обед рассадили за столами. «Мамочка» подсуетилась и организовала нам места рядом. С правого края сидел малыш Айзек, рядом с ним – мистер Бережной, потом я, Лайон, «мамочка» и еще один человек в мундире английского полковника, с оранжево-бело-синим триколором на берете, присоединившийся к нам перед самым началом обеда. О нем стоило бы рассказать особо. У «мамочки» с ним были какие-то свои дела, отдельные от наших, американских, поэтому он безо всяких церемоний подошел к ней и, козырнув, сказал: «Мэм, генерал, позвольте мне поздравить вас с праздником победы, в которой есть и наша небольшая доля участия».

И тут эта суровая женщина, большую часть времени похожая на памятник самой себе, улыбнулась широко и открыто. «О, Пит, как я рада тебя видеть! – сказала она. – И я тоже поздравляю тебя с этим праздником, а еще с тем, что твоя Родина наконец-то обрела независимость».

А потом она повернулась к нам и сказала: «Джентльмены, позвольте представить вам Пита Гроббелаара, горного инженера, командира бурского полка спецназначения имени генерала Де ла Рея и временного президента Южно-Африканской республики...»

Вот это был шок... Дядя Джо и «мамочка» втихую² провернули еще одну хитрую комбинацию, на этот раз на Африканском направлении, о чем наш милейший Фрэнки в Белом Доме пока находится в полном неведении.

Глянув на мистера Гроббелаара, я поразился его сходству с мистером Бережным: оба жесткие, холодные, похожие на отточенные до бритвенной остроты прямые клинки. Один бур, другой русский, но у обоих бьет в сердце пепел их израненной Родины. Впрочем, в дальнейшей

² Вот тут Роберт Хайнлайн несколько ошибается. Об этом событии писали (правда, вскользь) все ведущие советские газеты, но кто же виноват этим американским деятелям, если они не читают ничего, кроме своей собственной прессы.

общей беседе мистер Гроббеллаар не участвовал, и вполголоса завел с «мамочкой» какой-то свой разговор по-немецки.

Тем временем мистер Бережной пытал малыша Айзека по поводу его романа «Основание», о котором мы, его лучшие друзья, оставались в неведении. При этом его интересовали не столько литературные достоинства и недостатки, сколько сюжетная канва этого еще не написанного произведения. Малыш Айзек, раскрасневшийся от внимания такого знаменитого человека, с удовольствием отвечал, и наконец они сошлись во мнении, что брать за пример один только распад Римской империи было бы некорректно, и малышу Айзеку следовало бы поработать и с другими, значительно более близкими к нам по времени примерами. Китай, Испания, Турция, Арабский халифат, монгольская держава потомков Чингисхана, азиатская деспотия Тимура, Речь Посполитая, шведская балтийская талассократия возвысились и пали уже после того, как руины Древнего Рима занесли пески времени. Сейчас процесс распада охватывает Британскую империю. Канада вошла в состав США, Ирландия и Южная Африка отправились в самостоятельное плавание, Индия ждет не дожидается того момента, когда она сможет провозгласить свою независимость, а в Австралии и Новой Зеландии молодая британская королева будет скорее дорогой гостьей, чем законной хозяйкой. Причем Китай переживал этот процесс неоднократно, каждый раз возрождаясь, будто птица Феникс. Сегодня они ничтожны, завтра велики – и так без конца, пока крутится колесо времени. Да и с Римской империей тоже не все гладко, ведь подобным образом развалилась только ее западная половина, в то время как восток продержался еще тысячу лет, и если бы не некоторые исторические коллизии, вроде вероломного захвата крестоносцами Константинополя, возможно, единовременная русским Византия могла бы стоять и по сей день.

Закончив с малышом Айзеком, который погрузился в глубокую задумчивость, мистер Бережной оборотился в нашу с Лайоном сторону. И вот тут я спросил его, почему русские большевики считают идеальным такое состояние общества, при котором у всех все есть, и никому больше ничего не надо, даже по ассортименту. Разве такой коммунизм, если он будет построен, не приведет к деградации и распаду всей их системы?

– Понимаешь, Роберт, – ответил он, – тот момент, который вы называете точкой пресыщения экономики, а мы коммунизмом, окончательно разделит человечество на героев, стремящихся к дальним горизонтам, творцов, проникающих в тайны мироздания или создающих новые произведения искусства, и обывателей, дружно хрюкающих у корыта, полного благ. Вот ты, Роберт, продолжил бы писать свои книги, даже если бы у тебя было все, что только может взбредить в голову, или обратился бы к ничегонеделанию или загульным безумствам?

– Нет, сэр, – ответил я, – я буду писать свои книги в любом случае, даже если они никак не смогут увеличить моего пресыщенного благополучия...

– Вот видишь, – сказал мистер Бережной, – и ты такой не один. Собственно, и пишешь ты тоже для героев и творцов, сытый зажавшийся обыватель не будет читать твои книги, предпочтя им слезливые мелодрамы или книги в жанре хоррор, чтобы пощекотать нервы.

– Не беспокойтесь, мальчики, – со своего места сказала «мамочка», оторвавшись от разговора с мистером Гроббеллааром, – эта самая ваша «точка пресыщения» недостижима – так же, как и горизонт. Прорыв к звездам и связанные с этим исследовательские работы потребуют такого количества людских, интеллектуальных и материальных ресурсов, что описанное вами состояние будет невозможно в принципе. И этот же процесс, за счет конверсии в гражданское производство различных интеллектуальных новшеств, будет способствовать постоянному обновлению модельного ряда гражданских устройств. Персональные вычислительные машины и карманные телефоны, первоначально громоздкие и неудобные, с каждым годом будут становиться все компактнее, экономичнее и дружелюбнее к пользователю. Самолеты будут становиться все быстрее, вместительнее, экономичнее и безопаснее. Электроэнергия, производимая на станциях нового типа, станет дешевле. А еще очень много ресурсов потребует борьба за

экологию. Это я к тому, что продолжение развития промышленности с нынешним уровнем выброса отходов приведет к тому, что мы попросту отравим сами себя. Едва только прорвавшись в космос, мы будем вынуждены выносить на орбиту, Луну и Меркурий самые грязные разновидности производства и чистить, чистить, чистить нашу планету от накопившегося яда.

Да уж, умеет «мамочка» воодушевить в нужный момент... Описанная ею картина, с одной стороны, внушала гордость за человечество, а с другой, заставляла задуматься. Даже при поверхностном анализе было понятно, что в советской части мира эта машина будет крутиться намного быстрее, втягивая в себя эмигрантов со всего мира, а у нас такое невозможно, ибо владельцы крупные корпораций упрутся как триста спартанцев, ведь такая программа будет угрожать их прибылям. Для русских при этом главное, чтобы у дяди Джо образовался вменяемый преемник – один из трех персонажей, которых я уже называл, – а для Америки необходимо, чтобы Палата Представителей, вкупе с Сенатом, переполненные ставленниками крупного капитала, разом провалились куда-нибудь под землю и не мешали жить честным людям.

22 сентября 1943 года. Токио. Дворец императора Японии Хирохито, Зал приемов.

Командующий объединенным флотом Японии адмирал Исороку Ямамото.

Недавно в Японию вернулось наше посольство в Германии, ибо в результате полного разгрома эта страна перестала существовать в качестве независимого государства. Вместе с прочим персоналом посольства в Токио прибыл военно-морской атташе в Берлине контр-адмирал Ёкои Тадао, непосредственный свидетель последних месяцев и дней Третьего Рейха. Тайса (*капитан первого ранга*) Ямагучи оставался на посту военно-морского консула в Москве, но от него с дипломатической почтой регулярно приходили донесения, наводящие на грустные мысли. Но все же решающее значение имел доклад контр-адмирала Тадао, откровенно рассказавший мне, каким образом русские большевики убивали злосчастную Германию.

За минувший год наши потенциальные позиции невероятно ухудшились. Великолепно вышколенные и отменно вооруженные механизированные корпуса и конно-механизированные армии русских имели далеко не первостепенное значение в разгроме Третьего Рейха. Весьма значительную, если не главную, роль в русских победах играла чрезвычайно усилившаяся авиация, в составе которой было немало больших двухмоторных пикирующих бомбардировщиков, метко кидающихся бомбами до двух тонн весом, и тяжелых четырехмоторных самолетов – носителей управляемого оружия, способных нести высокоточные боеприпасы массой до пяти тонн. Высокоточное оружие означает возможность с высоты семи миль попасть единичной бомбой в корабельную палубу. Мне даже страшно представить, что может сделать с авианосцем бомба весом в пять, или хотя бы в две тонны, пробившая подряд все палубы и взорвавшаяся у самого днища – как раз там, где хранятся запасы авиационного бензина и сырой нефти для корабельных котлов. С линкором все будет точно так же, если не хуже. С поврежденного авианосца еще будет возможно снять команду и летный состав, а вот взрыв погребов уничтожит линейный корабль за доли секунды. Победить механизированные корпуса русских в Маньчжурских степях я не смогу, а вот большевистская авиация запросто уничтожит Объединенный флот, если тот войдет в радиус ее действия.

Но и это еще далеко не все. За минувший год русские уже не единожды проводили стратегические десантные операции, когда под прикрытием больших масс авиации их морская пехота и воздушный десант внезапно врываются прямо на улицы вражеских столиц. Слава всем богам, Токио расположен с внешней стороны Японских островов, на побережье Тихого океана, а не Японского моря, и лихой гусарский рейд в стиле захвата Хельсинки, Копенгагена, Стокгольма или Лондона для русских будет невозможен. Но это не отменяет того, что непосредственно в Метрополии совершенно недостаточно сил для отражения вражеского вторжения. Сожрав наши войска в Маньчжурии, Корее и на Сахалине, русское командование получит возможность

высадить масштабные десанты на Хоккайдо и Кюсю, захватить аэродромы – и тогда под ударом русской авиации окажется вся Метрополия. А потом большевистские войска получат возможность прыгать через проливы как зайцы через ручьи.

Это я вижу так отчетливо, будто сам планировал эту операцию за русских генералов. Я хорошо изучил их операции в Европе, и знаю, что они мастера вести сражение на полное уничтожение противника. После вермахта, который был разжеван и выплюнут в лицо Гитлеру, Квантунская армия этим маньякам маневренной войны – на один зуб. И это в то время, когда подавляющая часть наших войск связана вязкой и ожесточенной войной в Китае и на границах Индии. Там, в долине реки Брахмапутра и нижнем течении Ганга, идут кровавые бои местного значения, японская армия задыхается от недостатка снабжения, которое с трудом удается протолкнуть по узким дорогам через гористые джунгли Бирмы. Там против нас сражается 14-я британская армия, хотя английский там только старший комсостав, а остальные – или индусы, или африканские негры. Негры себя чувствуют в тропических джунглях как дома, а вот индусы сражаются яростно, потому что не желают впускать нас на свою землю. Уж слишком дурная слава идет о японских солдатах, ведь даже бирманцы, в начале войны встретившие нас как освободителей, теперь желают возвращения англичан. В Китае положение ничуть не лучше: война идет без какой-либо определенной цели, и нашей армии просто не хватает на эту огромную страну.

С этими невеселыми соображениями я и пошел на доклад к императору. Только Божественный Тэнно может принять окончательное решение по будущей стратегии страны Ниппон.

Потомок богов прочел поданный ему доклад, а потом долго смотрел невидящими глазами вдаль куда-то мимо меня.

– Неужели, Исороку-сан, все закончится так быстро и так страшно? – наконец сказал император, прервав свое молчание. – Один порыв божественного ветра – и страну Ниппон сдует в небытие, как уже сдуло Германию. Вы же не будете возражать против того факта, что господа Бережной, Ларионов и иже с ними появились в нашем мире исключительно по воле всемогущих богов?

– Нет, о Божественный Тэнно, я этого отрицать не буду, – ответил я, склонив голову. – Всеми миру уже известно, что в результате прямого вмешательства свыше Большевицкая Россия превратилась в явление неодолимой мощи... И эта сила, поделившая мир с Соединенными Штатами Северной Америки, сейчас обратила внимание на страну Ниппон, которая сорок лет назад нанесла ей жесточайшее оскорбление. Русские, несмотря на свой спокойный, почти флегматичный характер, ничего не забыли и никого не простили. Одержав победу над сильнейшим врагом, в настоящий момент они возбуждены и даже разъярены, и теперь жаждут смыть кровью позор Цусимы. Я тоже помню о том дне: забыть о нем мне не дают два пальца на левой руке, потерянные мною в Цусимском бою. И сделал это не осколок русского снаряда, а наше же собственное орудие, разорвавшись от слишком частой стрельбы. После того случая я понял: боги дали мне урок, что слишком сильная спешка может привести к большому несчастью.

– Скажите, Исороку-сан, – подумав некоторое время, произнес император, – а Соединенные Штаты Северной Америки – это тоже сила неодолимой мощи?

– В тактическом плане нет, – с горечью ответил я, – до сего момента наш флот побеждал их во всех сражениях, но с точки зрения стратегии и геополитики для Японской империи они непобедимы. Они нанесли нам оскорбление своей нотой Халла, мы ответили им еще большим оскорблением, внезапно, без объявления войны, атаковав Перл-Харбор, и теперь они, используя свою непревзойденную промышленную мощь, готовы сражаться с нами хоть десять лет – до тех пор, пока страна Ниппон не будет вбита в прах. Остановить их могла бы только такая же непревзойденная сила, но господин Сталин отложил выяснение отношений с янки на следующий раунд глобальной игры. Сначала он уничтожит нас, чем гарантирует от неприятных

неожиданностей восточную границу своей огромной территории. Этот человек точно никуда не спешит. Я обратил внимание на то, с какой тщательностью русские армии зачищали Европу от разного рода недружественных нейтралов.

– При этом господин Сталин не предъявил нам пока никаких претензий, – сказал император, – и даже не разорвал Пакт о Ненападении.

– О Божественный Тэнно, – произнес я, – я же сказал, что этот человек никуда не спешит и старается делать все по порядку. Сначала он на законном основании включит в состав своей державы побежденные европейские государства, проведет выборы и плебисциты, и только потом предъявит нам требование передать ему бывшие французские и голландские колонии, а также прекратить войну с союзной ему Великобританией. К тому моменту, как мы получим этот ультиматум, на наших границах соберется весь тот наряд сил и средств, что необходим для окончательного решения проблемы страны Ниппон. И вот тогда живые позавидуют мертвым.

– Мы знаем, что явлениям неодолимой мощи: тайфунам, цунами, землетрясениям и извержениям вулканов сопротивляться бессмысленно, – сказал император. – Умные уходят с пути буйствующей стихии, глупые погибают под ее ударом. Так же бессмысленно перечить воле богов. Но у нас не будет другого выхода, кроме войны, потому что ультиматум господина Сталина будет так же оскорбителен для нашего народа, как и нота Халла...

– Первый порыв божественного ветра в мгновение ока сметет с лица земли Квантунскую армию, наши силы в Корее и на Сахалине, – сказал я, – что будет вполне убедительно даже для самых яростных наших патриотов, а вот до второго порыва – то есть десантных операций на Хоккайдо и Кюсю – лучше не доводить.

– Вы так считаете, Исороку-сан? – вздохнул император.

– О Божественный Тэнно, – сказал я, – мне это достоверно известно. Более того: даже начиная операцию «Восхождение на гору Ниитака», я уже знал, что в итоге эта война неизбежно приведет нас к поражению. Исходя из того, что нашим главным врагом являются Соединенные Штаты Северной Америки, все наши ресурсы я постарался вложить в построение Великого Тихоокеанского Оборонительного Периметра, который сможет сдерживать врага несколько лет, но сейчас обжигающий ветер подул совсем с другой стороны. Когда все началось, мы считали, что война в Европе затянется на четыре-пять лет, и переворот в Британии только укрепил нас в этом мнении. Никто из нас не мог предполагать, что даже без особой спешки русским армиям удастся сломать Германию всего за год с небольшим. И в то же время стоит обратить внимание, что те монархи европейских стран, которые вовремя признали свое поражение от силы неодолимой мощи, даже не были отстранены господином Сталиным от власти, а вот итальянский король, до конца оказывавший этой силе сопротивление, был сдут ею в небытие вместе со своей семьей...

– Так вы считаете, – с сомнением в голосе произнес император, – что нас есть возможность, как говорят европейские гайдзины, провести страну Ниппон между Сциллой и Харибдой и, потерпев формальное поражение, избежать разгрома и уничтожения?

– О Божественный Тэнно, – ответил я, – я считаю, что у нас есть возможность выбора между почетной капитуляцией по формальным обстоятельствам и полным уничтожением. А чтобы не было никакой ошибки, нам необходимо, пока еще есть время, начать тайные переговоры с господином Сталиным.

– Хорошо, Исороку-сан, – чуть заметно склонил голову император, – я тщательно обдумываю ваши слова. Можете идти.

Было понятно, что император понял серьезность моих аргументов, но не стал сразу же соглашаться с предложенной мной тактикой.

Я почтительно поклонился Божественному Тэнно и покинул зал приемов. Аудиенция окончилась.

24 сентября 1943 года, 15:45. Рим, Ватикан, Апостольский дворец, Папские апартаменты.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга Нина Викторовна Антонова.

Я снова, третий раз в своей карьере, встречаюсь с Папой Пием Двенадцатым, в миру Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли. Как и в прошлый раз, мы встречаемся втроем: сам Папа Пий Двенадцатый, брат Феликс и я.

– Добрый день, синьора Нина, – приветствовал меня Папа. – Какими судьбами на этот раз вас занесло в нашу скромную обитель?

– У меня к вам письмо, Ваше Святейшество, – сухо сказала я. – Можно сказать, что это послание из самого ада, от небезызвестного Фридриха Вильгельма фон Меллентина, которое тот оставил, прежде чем исчезнуть из нашего мира вместе со всеми своими последователями.

– Так значит, они все-таки ушли? – спросил Папа, протягивая руку за посланием.

– Точнее, бежали сломя голову, Ваше Святейшество, – ответила я, – ибо нашими трудами им тут стало крайне неудобно, и особенный дискомфорт испытывал их ужасный повелитель.

– Да, что есть, то есть... – хрипло произнес Папа и погрузился в чтение.

По мере того как Пий Двенадцатый пробежал глазами строки, не побоюсь этих слов, политического завещания фон Меллентина, его брови непроизвольно поднимались. Брат Феликс при этом застыл неподвижным изваянием, и даже, кажется, забыл, как дышать. Закончив чтение, Папа отложил послание адепта Зла на небольшой столик и, перебирая четки, принялся молиться.

– Скажите, синьора Нина, – сказал он, закончив советоваться с Всевышним, – зачем вы привезли мне послание этого нечестивца?

Я ответила:

– А потому, что мы, наряду с некоторыми другими, воспринимаем вас как человека, от которого зависит будущее человеческого рода, и в силу этого вы должны знать, каким образом формируются подобные сущности. Если Творец Всего Сущего предначален и един для всех подлунных миров, то его антиподы многолики и разнообразны, и появляются везде, где несовершенство человеческой природы массово обращает людей ко злу. Несмотря на то, что старый Сатана был изгнан нами из этого мира, и дверь за ним закрылась навсегда, а его сынок бежал отсюда в страхе быть уничтоженным, подобная сущность может появиться везде, где концентрация алчности, ненависти к ближнему и гордыни превысит некий критический уровень. Люди – только на одну десятую люди, а в остальном они не более чем дикие необузданные животные, полуразумные хищники, для которых инстинкты племенного существования значат значительно больше вечных истин. Они сами создают своих губителей, и политиков эта истина касается в наибольшей степени.

– Возможно, что это именно так, синьора Нина, – сказал Папа. – Но разве после того, как был уничтожен Гитлер, этот адепт Зла, а его последователи бежали в иной мир, ситуация не изменилась настолько, что повторное воплощение какой-либо злобной сущности стало попросту невозможным?

– Если ситуацию с национальным унижением немцев, ставшую причиной возникновения нацизма, мы с вами уже рассматривали, – сказала я, – то там, у нас в будущем, остался пример того, как Сатана угнездился внутри американской нации – самодовольной, считающей себя владыкой мира и победительницей во всех конфликтах двадцатого века. А дело в том, что люди, громче других кричащие о Боге, в своей душе заместили его долларом, и в силу этого потеряли возможность отличать добро от зла. Мы подозреваем, что, несмотря на все меры, принятые нами для недопущения этой ситуации, мир еще может свернуть на прежний путь вооруженного противостояния двух систем – и вот тогда Североамериканские Соединенные Штаты начнут стремительно радикализироваться. А в тот момент все мы должны быть готовы выступить против них в одном строю – как идейно, так и с оружием в руках, потому что иначе

все начнется сначала. А еще нам в будущем были известны случаи, когда униженные и оскорбленные восставали против своих угнетателей и, превысив некую меру насилия, превращали стремление к свободе в нечто прямо противоположное. Даже будучи разгромлен и изгнан, Сатана не сдался и не сложил оружия, и в нашем мире осталось немало людей, в своих эгоистических интересах готовых позвать его обратно.

– Скорее всего, вы правы, синьора Нина, – вздохнул Папа, – и наша битва со Злом будет вечной, пока стоит этот мир. Мы выиграли одну, быть может, самую важную битву, но до окончательной победы в войне за человеческие души еще далеко.

– Эта война между Зверем и Богом в душе каждого человека идет столько же, сколько стоят сущие миры, – сказала я, – и Бог в ней все же побеждает, потому что после каждого витка обострения противостояния человечество становится чище и умнее.

– Аминь, – сказал Папа, – не могу с этим не согласиться. Беда случается тогда, когда Зверь прорывается из-под тонкого слоя цивилизации и отбрасывает нас на тысячелетия назад.

– Да, это так, – сказала я, – но не стоит забывать, что человек дичает от холода, голода и плохих условий существования. Но при этом недостаточно согреть всех замерзающих и накормить всех голодных – человек должен видеть смысл своего существования в созидательном труде, и тогда он поймет, кто такой для него Бог и что он для Бога.

– И это тоже верно, – сказал Папа, – ведь Творец, создавая человека по своему образу и подобию, желал видеть в нем строителя и созидателя, а не алчного зверя, способного к одному только разрушению.

– А еще, – сказала я, – в ознаменование ваших личных заслуг и заслуг вашей Святой Матери Церкви мое руководство решило наградить вас орденом Победы... Прикрепите этот орден на свои знамена и несите их вперед честно и гордо.

С этими словами я достала из своей сумочки коробочку с орденом, прилегающее к нему удостоверение, двуязычную грамоту, в которой на русском и на латыни были перечислены заслуги лично Папы и всего католического духовенства в борьбе с местной сатанинской разновидностью нацизма, а также личное послание товарища Сталина.

Папа прочел грамоту и письмо советского вождя, кивнул и сказал:

– Все, что делает наша Святая Матерь Церковь, совершается только к Вящей Славе Господней. Но все равно спасибо вам за признание заслуг. Мы и в самом деле воспринимаем эту награду не как свою личную, а как награду, врученную каждому честному католику и служителю церкви за то, что он как мог боролся со злом. А сейчас прошу меня извинить – мне надо о многом подумать и посоветоваться с Господом, поэтому окончательный ответ на письмо вашего властителя я дам чуть позже.

25 сентября 1943 года, 11:15. Рим, Ватикан, Апостольский дворец, Папские апартаменты.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга Нина Викторовна Антонова.

– Итак, синьора Нина, – сказал Папа при нашей новой встрече, – я обдумал предложения господина Сталина, и пока ничего не могу сказать. Как-то это все неожиданно...

– Понимаете, Ваше Святейшество, – сказала я, – у меня такое ощущение, что все, чего мы добились, покоится на зыбком песке. Не откладывая ни на минуту, следует засучить рукава и начать вбивать в берег сваи и заливать фундамент бетоном. Иначе в кратчайшие сроки все вокруг поплывет. Более-менее спокойного времени нам дано только до того момента, когда разрешится японская проблема. Потом нас начнут прощупывать на прочность со всех сторон, и Италия, где после краха монархии до сих пор нет даже намека на государство, может оказаться одним из самых уязвимых мест. Промышленный Север един, и готов по первому призыву встать под знамена социалистов и коммунистов, а вот Юг аморфен и находится под влиянием местных неформальных лидеров, иначе именуемых мафией. Единственная сила,

имеющая авторитет в самых широких кругах тамошнего общества, тот цемент, которым можно скрепить сыпучий песок – это ваша Святая Матерь Римско-Католическая Церковь.

Папа задумался, а потом спросил:

– Синьора Нина, неужели ваше руководство желает, чтобы мы расширили Ватикан на всю Южную Италию? Не слишком ли радикальным покажется этот шаг вашим союзникам коммунистам?

– Да нет, Ваше Святейшество, – иронично усмехнулась я, – статус Ватикана должен оставаться неизменным. Это государство представляет не одних только итальянцев, а католиков всего мира, и ценно именно в этом качестве. Никому же не придет в голову присоединять к Ватикану Аргентину, Венесуэлу, Чили и Никарагуа, хотя в этих латиноамериканских странах католическая вера сильна не меньше, чем на юге Италии. Мы даже не хотим делить Италию на Юг и Север, тем самым подрывая зыбкое национальное единство страны... Наше идеальное решение для Италии заключается в другом. В настоящий момент мы ведем активную работу по сколачиванию из социалистической и коммунистической партий Объединенной Социалистической партии. И это одна, левая сторона медали. Второй, правой стороной должна стать возрожденная Народная партия, а вот с ней не все так ладно, как хотелось бы. Во-первых – хотелось бы более внятной политической ориентации этой партии в пространстве. Вы можете себе вообразить некоммунистическую партию коммунистов? Я, например, нет. А вот некатолическая партия католиков – это как раз про вашу Народную партию...

– Синьора Нина, неужели вы хотите, чтобы Святой Престол взял на себя прямое политическое руководство подобными структурами и превратился в некое подобие католического Коминтерна? – с иронией спросил Папа.

– Вот именно, – ответила я, – а то там у нас мы насмотрелись на «христианские» партии, ратующие за однополые браки и «права» геев и лесбиянок. Ничем хорошим такое извращение кончиться не может. Кроме того, как стало известно нашим людям, руководство возрождаемой Народной партии нацеливает эту структуру на противоборство социалистам и коммунистам, а это в корне неправильная стратегия. Соперничать партии могут только в момент предвыборной кампании, но как только в урну брошен последний бюллетень, это соперничество во имя блага вашей Италии должно сразу превратиться в сотрудничество. Ваше пасторское внушение в этом деле будет гораздо предпочтительнее нашего вмешательства, а то ведь всех самых буйных неожиданно можно арестовать и после короткой процедуры выслать туда, куда еще не ступала нога честного католика.

– Предположим, вы правы, синьора Нина, – хмыкнул Папа, – но должен вам сказать, что не все христиане в мире являются католиками...

– А вот тут следует разбираться в том, настоящие это еще христиане или уже поклонники золотого тельца, – парировала я. – В той же Германии более-менее достойное сопротивление сатанизации оказали только католики, а остальные как бараны пошли за своим вождем прямо в адское пекло. К тому же, разговаривая с вами сейчас, я не имею в виду весь мир вообще, а только ту его часть, где сильны позиции вашей Святой Матери Церкви. В других избушках будут свои погребушки.

– Та все же, синьора Нина, какой мир вы хотите получить в итоге всей своей деятельности? – спросил Папа. – Я же вижу, что у вас имеется если не конкретный план, то какой-то образ желаемого мира.

– Мир должен быть быстро развивающимся, – сказала я, – лишенным присущих дикому капитализму язв голода, нищеты и безграмотности, а также наполненным истинно христианским милосердием – там, где это уместно, – и марксистско-ленинской справедливостью – там, где необходимо. А то, знаете ли, Ваше Святейшество, некоторые жирные коты, чья мошна лопается от переполняющего ее золота, просто жить не могут без окружающей их нищеты. Подал такой богач мелкую монетку голодному сироте – и чувствует себя почти праведником.

А потом приедет к себе в контору и с чистой совестью придумает что-нибудь такое, маркетинговое, чтобы таких сирот стало больше и были бы они еще голоднее. И это не карикатура из журнала «Крокодил». Общее благосостояние мира меняется очень медленно и неравномерно, и поэтому сверхприбыли одних – это всегда нищета для других. Мы не сторонники уравниловки, просто из мирового обихода должно исчезнуть слова «сверхдоходы», «сверхприбыли» и «сверхбогатство». Поэтому к голодным сиротам должно быть проявлено милосердие на государственном уровне, а к жирным котам, если они не поймут, что теперь нельзя совать пять пальцев в рот – такая же государственная справедливость. Если некоторых людей не пугают загробные мучения, то, значит, ад им необходимо устроить еще при жизни. И это, между прочим, крайне актуально для вашей Италии, потому что здесь, если судить по нашей истории, деньги, выделенные на государственные и муниципальные нужды, разворовывались самими чиновниками или политиками наполовину, или даже на две трети. Такой безудержной алчности людей, дорвавшихся до общественных средств, не было больше нигде в Европе. А там где алчность, там и Сатана.

– Пожалуй, я вам поверю, синьора Нина, – проскрипел Папа, – человек по своей натуре слаб и жаден. Лишь немногие способны заглушать в себе голос алчности, похоти и свирепства, и это нас премного огорчает.

– На самом деле таких людей немало, – сказала я, – но до самого последнего времени не они решали судьбы мира, и именно это мы хотим изменить в первую очередь.

– Аминь, синьора Нина, – вздохнул Папа, в душе и себя относящий именно к этим «немногим», – вы меня уговорили. Я напишу свое папское послание синьору де Гаспери, обозначив в нем пределы, в которых может колебаться политика его партии, если она хочет пользоваться авторитетом нашей Святой Матери Церкви. Вы исполняете свою часть Конкордата, а мы исполним свою.

29 сентября 1943 года, четыре часа пополудни. Германия, провинция Остмарк, Вена, жилой комплекс на Энгельс-плац (бывшая Петер-Абель-плац).

Клара Лангердорф, 25 лет, вдова, репатрированная жительница города Вены и домохозяйка, бакалавр исторических наук.

Я снова дома. Бои в Вене отгремели, потому что солдатам Лотара Рендулича больше не за что было сражаться, и обитательниц фруагера Шопрон-один стали потихоньку распускать по домам. К тому времени мы уже знали, что победители забирают Германию себе всю целиком, и несколько об этом не жалели. Предыдущий властитель бросил нас в огонь как ненужную ветошь, зато господин Сталин, как рачительный хозяин, подобрал, подлатал, и теперь ищет способ половчее приспособить к делу. Чтобы мы могли объясняться с новым начальством, всех обитательниц фруагера принялись обучать русскому языку. У кого-то это получалось лучше, у кого-то хуже; лично я за три месяца научилась довольно сносно объясняться на языке победителей.

Всадники Апокалипсиса проскакали мимо меня, Германия перевернулась через голову, оборотившись частью России, и мне теперь предстояло устраиваться в этом новом и непонятном мире. Кроме всего прочего, русские власти весьма неодобрительно относятся к тем, кто проводит свою жизнь в праздном безделье, считая, что каждый должен зарабатывать себе на жизнь в поте лица – неважно, будет этот труд физическим или умственным. А я, в отличие от большинства своих товарок по фруагерю, была способна на большее, чем жарить мужу котлеты, потому что, как-никак, закончила университетский бакалавриат. Мне уже поступило предложение, окончив специальные учительские курсы, пойти работать педагогом в начальную школу. Как сказал мне падре Пауль, педагоги, которых назначили еще нацисты, и которые не были изгнаны из школ с переходом к поклонению Сатане, годятся только на то, чтобы передать их русскому НКВД и забыть об этих людях.

В помещанном на «трех К»³ Третьем Рейхе мой диплом и способности не были особо востребованы, но, как мне стало известно, в Большеви́стской России женщина способна стать хоть министром, хоть генералом. Приезжала в наш фраулагерь одна такая русская особа в генеральском звании (*Антонова*) – перед которой местное русское начальство стелилось ковриком, а доминиканских монахи и монахини разговаривали с ней с превеликим почтением. Да это и понятно, ибо обыкновенного человека Большим Крестом Ордена Святого Гроба Господнего Иерусалимского папа Пий Двенадцатый награждать не будет. Я так высоко не мечу, но чувствую, что способна на большее, чем просто быть домохозяйкой.

А еще я тешу себя надеждой хотя бы еще один раз встретиться с тем русским офицером, легким движением руки выписавшим мне пропуск в новую жизнь. Как ни гнала я его образ из своей памяти, у меня это не получалось. Франк уже совершенно стерся из моих воспоминаний; фактически я стала вдовой тогда, когда его забрали в вермахт. И после этого минуло четыре года... Четыре года! Моя душа с новой силой запросила любви. Я ведь уже не девочка, мне двадцать пять лет – и пройдет еще совсем немного времени, как грудь начнет отвисать, а на животе появятся первые ненужные складки. Я хочу любить и быть любимой, не меньше карьеры хочу рожать мужу детей и воспитывать их, испытывая гордость от их успехов в школе и университете. И хоть русский кажется мне немного неподходящим объектом для таких мечтаний, но мечтать ведь можно и о несбыточном. Едва ли мы с ним еще когда-либо увидимся. Я даже имени его не знаю. Так и останется он в моих воспоминаниях как символ моего спасения и начала новой жизни – голубоглазый русский офицер с одухотворенным взглядом...

Итак, получив на руки проездные документы, временный аусвайс, а также справку о реабилитации, я села в русский армейский грузовик, и он доставил меня вместе с другими репатриантками на станцию Шопрон за полчаса до того, как на ней остановится поезд Будапешт-Вена. Но прежде чем сесть в нужный нам поезд, мы увидели, как мимо станции, не останавливаясь, в обратном направлении прогрохотал русский воинский эшелон. Огромные закутанные в брезент боевые машины (вроде тех, что мы видели в ТОТ роковой день) и множество товарных вагонов: в их раскрытых дверях стояли улыбающиеся русские солдаты, на этот раз без своей массивной защитной амуниции и устрашающей боевой раскраски на лицах. Закончив свои дела в Европе, они тоже ехали домой... И тут я подумала, что господин Сталин все же реализовал мечту Гитлера о жизненном пространстве на Востоке, только вывернул ее наизнанку и значительно уменьшил число немецких мужчин.

Удивительно: с момента окончательного разгрома Третьего Рейха не прошло и месяца, а поезда по железным дорогам ходят с той же аккуратностью, что и до войны. Всего час с небольшим – и мы вышли из прицепленного в конце поезда вагона для репатриированных на Южном вокзале Вены (*сейчас на этом месте расположен Центральный вокзал*). Приметы прошедших боев были тут едва заметны. Во фраулагере нам уже рассказывали, что составленный из нацистских фанатиков гарнизон Вены был невелик, а потому самые ожесточенные бои шли на относительно небольшом пятачке между Дунаем и Дунайским каналом в окрестностях Северного вокзала. Большая часть немецких войск, которые по плану обороны должны были отступить в черту города, в ТОТ САМЫЙ день оказались разрезаны на части, окружены в чистом поле и разгромлены. Иначе жертв и катастрофических разрушений в моем родном городе было бы гораздо больше.

Район боев и сплошных разрушений я обошла по берегу Дунайского канала, при этом лишь издали глянув на обугленные руины собора Святого Штефана. С этим местом связаны самые страшные мгновения моей жизни, и как только я вспоминаю об этом, меня начинает трясти. Уже после того, как наш фраубатальон направили на фронт, русские при помощи своей

³ Женские «Три К» – то есть три занятия пристойных для женщины: «киндер», «кухе», «кирхе» (дети, кухня, церковь). У мужчин в Германии испокон веков были свои «Три К»: кайзер, криг, каноне (император, война, пушки).

авиации стали уничтожать одно сатанинское капище за другим, и собор Святого Штефана не избежал этой участи.

Дунайский канал я пересекла по мосту Фриденсбрюке (*это название мост носил до 1941-го года и после освобождения от нацистов*). Вокруг были видны многочисленные приметы ожесточенного сражения, но сам мост уцелел, несмотря на внешние повреждения. А дальше, за ним, начинался мой родной район Бригиттенау, израненный войной, но все-таки живой. Если на улице Валленштайна разрушения были весьма значительны, то на Егерштрассе, удалявшейся от центра города и эпицентра боев, следы войны становились все менее заметными. А в окрестностях площади Энгельса, которая снова носила свое прежнее донацистское название, этих следов, можно сказать, и вовсе не было, если не считать большого количества попадавшихся навстречу русских солдат и припаркованной повсюду военной техники. На Капаунплац, являвшейся внутренним ядром нашего жилого комплекса, тоже рядами стояли русские машины – и не какие-нибудь, а большие бронированные самоходные пушки, вроде тех, что я видела в ТОТ САМЫЙ день. Уже что-то смутно подозревая, я, игнорируя многочисленных русских солдат, прошла под аркой в подъезд и поднялась на четвертый этаж, где располагалась наша квартира. И никто меня не остановил – видимо, вот такие реабилитированные немецкие женщины давно не были тут редкостью.

К моему величайшему изумлению, дверь в квартиру оказалась не заперта, а из-за нее раздавались негромкие звуки вальса Шуберта...

У нас был патефон и соответствующие пластинки, и если бы Франк был жив, я бы сказала, что это он.

Но Франк погиб в России полтора года назад. Я подумала, что, скорее всего, в домоуправлении, когда меня забрали во ффраубатальон, решили, что я выбыла навсегда, и поселили в мою квартиру новых жильцов. Наверное, мне нужно было сначала уладить все формальности (ибо имеющиеся у меня документы полностью легализовали мое положение), но меня будто черт толкал вперед...

Повернув ручку, я тихонько вошла – и сразу же в прихожей нос к носу столкнулась с русским офицером. Я тут же отпрянула и невольно приложила руку к груди. Удивленно моргая, я глядела на мужчину, который тоже, замерев, смотрел на меня. Это был ТОТ САМЫЙ русский офицер! Который в ТОТ ДЕНЬ спас жизнь мне и моим товаркам, и о котором в последнее время были все мои тайные мысли. Теперь мы смотрели друг на друга с такого расстояния, что я могла бы протянуть руку и провести пальцами по его лицу... По его красивому, благородному лицу... Разве не об этом грезилось мне все эти дни?

Предательски краснея, дрожащей рукой я расстегнула нагрудный карман френча, достала свои документы и протянула ему. Больше всего я боялась, что он сейчас закричит, затопает ногами и скажет, что теперь тут живет он, а я должна убираться прочь. Впрочем, я не верила, что такое может произойти. От него исходило ощущение спокойной надежности, уверенности и защиты. Не может человек С ТАКИМ ЛИЦОМ быть грубым с женщиной. Впрочем, это стало мне понятно еще тогда, когда наши взгляды пересеклись впервые.

Пока он просматривал документы, я наблюдала за ним. Он был так близко... Я даже чувствовала тепло его тела. В неярком, падающем сверху свете электрической лампы на лице его играли тени, подчеркивая суровую мужественность его черт. Отчего-то сердце мое стало биться сильно-сильно. Я смотрела на его руки с длинными аристократическими пальцами – ах, как мне всегда нравились такие мужские руки! У Франка руки были совсем другие – «крестьянские»: квадратные, с короткими пальцами. Но в этом русском чувствовалась «порода». Высокий и стройный, широкоплечий – у него, должно быть, очень красивое тело...

Не в силах бороться со стыдными и совершенно неуместными мыслями, я закусила губу и опустила глаза.

– Ну что ж, фрау Лангердорф... – сказал он, протягивая мне мои документы и обливая меня синевой своих глаз, – все в порядке.

Он склонил голову и скупой улыбнулся мне. Его улыбка была всего лишь вежливой – ничего более. Очевидно, он не понял, что происходит со мной. И тут на меня накатило отчаяние. Еще секунду назад я боялась, что ОН ЗАМЕТИТ, но теперь... теперь я готова была на все, лишь бы он остался со мной. Еще хоть ненадолго... хоть на полчаса...

А он, пока я продолжала в растерянности стоять в прихожей, вернулся в гостиную и принялся собирать свои вещи. Совсем немного вещей – и среди них ничего, что когда-то принадлежало нам с Франком... Что же делать? Ведь он сейчас уйдет, и мы никогда больше не встретимся!

Все мое тело била мелкая дрожь. Музыка продолжала звучать – и это подчеркивало драматичность момента. Моя любимая музыка...

Я поняла, что если ничего не предприму сейчас, то навсегда потеряю этого человека, с которым судьба свела меня во второй раз... И потом буду об этом жалеть всю оставшуюся жизнь.

Застегнув свой небольшой чемоданчик, он подошел ко входной двери, где я продолжала стоять в той же позе, у стенки.

– Что же вы не проходите, фрау Лангердорф? – удивленно спросил с теми мягкими нотками, что так характерны для русского языка. – Проходите. Ведь это ваша квартира... – Он сделал приглашающий жест рукой.

Его пальцы легли на ручку двери. И тут я сделала шаг вбок и закрыла дверь спиной, раскинув в стороны руки.

– Найн... – прошептала я, мотая головой и умоляюще глядя на него, – не уходи... Я тебя не гнать...

Он, недоумевая, смотрел на меня. Сначала он разглядывал мое лицо, затем его взгляд опустился ниже, и он оглядел меня с ног до головы. Моя грудь вздымалась, и лицо горело... Проблеск понимания мелькнул в его глазах; он прищурился и склонил голову. Легкая улыбка тронула его губы – и была она такая милая и ласковая, что все мне затрепетало.

Сглотнув, я продолжила говорить тихо и жарко:

– Ты... ты меня не знать, не видеть, не замечать... Там быть много женщин, и я один из них. Но я тебя хорошо запомнить, и говорить – ты мой спаситель. Я хочу, чтобы ты остался. Ты остался, пожалуйста!

От волнения мой голос дрожал. Но мои руки уже не закрывали дверь – они теребили воротник серого френча.

Он еще раз посмотрел на меня долгим внимательным взглядом, а затем, поставив свой чемоданчик на пол, решительно кивнул и сказал:

– Хорошо, фрау Клара... я остаюсь. Хочется верить, что ты все понимаешь и отдаешь себе отчет в своих желаниях...

На самом деле с пониманием у меня было плохо, из его речи до меня дошли только отдельные слова. Но главным было то, каким тоном они были сказаны – спокойным, немного удивленным и умиротворяющим. Наверняка ему на войне доводилось стрелять в немецких солдат, но почему-то я была уверена, что он не мог отдать приказа убивать безоружных женщин и детей. В ТОТ ДЕНЬ он пощадил нас, но приказал своим солдатам без всякой пощады поубивать черных жрецов, и убийцы человек в страхе бежали от разозленных железнобоких берсеркеров – разумеется, те, кто успел это сделать. Он, этот красавец русский, был настоящий герой, благородный и отважный рыцарь... Он остается. И мы оба понимаем, что это значит...

Ликование поднялось в моей душе. Все женское во мне пело и взывало, и дрожь нетерпения пронзала мое тело. Как давно у меня не было мужчины! И порой мне даже казалось, что во мне умерло всякое женское начало – на фоне творившихся вокруг ужасов, страха и безысход-

ности это было неудивительно. Но этот мужчина пробудил во мне древний могучий зов. Все нежное и трепетное вмиг расцвело во мне с новой, сокрушающей силой – и это был настоящий зов жизни, который невозможно ни убить, ни обуздать в человеке, как бы ни топтали его душу; достаточно маленькой животворящей искры – и все возрождается, все снова тянется к свету и радости... И сейчас я чувствовала себя живой – наверное, впервые за долгое время.

Я лишь кивнула в ответ на его слова. Мы молчали, но это молчание не было неловким. На самом деле наш контакт углублялся – через жесты, взгляды, нечаянные прикосновения. Но тут я подумала, что даже не знаю его имени...

Я разулась, и мы прошли в гостиную. Остановившись у порога, я оглядывала свое жилище. Ничего не изменилось... Какое счастье – оказаться дома! Особенно после того, как попрощалась с этим домом навсегда.

Он стоял за моей спиной. Очевидно, он понимал мои чувства.

Пластинка закончилась, раздалось легкое шипение, а вскоре умолк и этот звук.

– Как тебя звать, мой милый друг? – спросила я, не оборачиваясь. Мои слова странно прозвучали в полной тишине.

– Семен Листьев, – сказал он и неуверенно добавил: – Гауптман.

– Симеон... – повторила я. В этом имени я углядела проказу судьбы: ведь перевод его с древнееврейского языка звучит так: «Он (Бог) тебя услышал». И в самом деле – я так хотела этой встречи, что сам Бог взял этого Семена за руку и привел его прямо в мою квартиру...

От близости его тела меня бросало в жар. И в какой-то момент его руки легли на мою талию... Я обернулась и положила руки ему на плечи. Он потянулся к моим губам... Но тут я выскользнула из его объятий и сказала:

– Симеон... Я прошу ждать... Я иди ванна... Это недолго, гауптман Листьефф.

Он понимающе кивнул и улыбнулся.

Я прошла в спальню. Все мои вещи висели в шкафу на плечиках, а нижнее белье было разложено на полочках, как в старые добрые времена. Нетронуты были даже задвинутые в угол костюмы Франка, хотя этот Симеон был почти одного с ним телосложения. Я выбрала домашнее ситцевое платье в синий горошек и подходящий случаю комплект французского нижнего белья. Я никогда не изменяла Франку, даже после того, как его убили русские, но сегодня он умер для меня окончательно. Вне зависимости от того, уйдет сегодня Симеон или нет, для меня начинается новая жизнь. А серое тряпье, до самого последнего момента надетое на мне, я решила выбросить.

Каким же блаженством было посидеть в ванной! Намыливая мочалку выданным мне во фраулагере натуральным мылом, я подумала: а что если мой спаситель сейчас испугается последствий и, пока я его не вижу, убежит? Наверное, это будет означать, что я сильно ошиблась, и его героическая внешность совсем не соответствует рыцарственному образу, нарисованному моим воображением...

Но он не убежал. Выходя из ванной и вытирая голову махровым полотенцем, я ощутила плывущие по квартире вкусные запахи. Они были просто божественными! И когда я вышла в гостиную, то просто замерла в изумлении: на обеденном столе возвышалась большая сковорода, на которой пытел и шкворчал пышный омлет из яичного порошка со свиной тушенкой... И только тут я вспомнила, что последний раз ела утром, еще во фраулагере.

– Битте, принцесс! – сказал Симеон, лукаво улыбаясь и привставая, чтобы отодвинуть для меня стул.

Это было так мило, что у меня чуть было не навернулись на глаза слезы. Надо же – он обо мне позаботился, приготовил ужин... Он вел себя так, словно мы давно влюблены друг в друга, и теперь у нас происходит романтическое свидание. Но ведь это не так... Какая любовь? Об этом не может идти и речи! Мы просто мужчина и женщина, которые знают, что сегодня лягут в одну постель... Всего лишь... Но почему он так нежен и заботлив? Я совсем к такому не

привыкла. Почему он меня называет принцессой? Какая я принцесса? Мы – чужие друг другу, мы совершенно разные! Мы переспим, а потом разойдемся в разные стороны и никогда больше не увидимся... Никогда! Мне всегда нужно держать это в голове, иначе будет больно. Только секс – и более ничего... Ах этот русский! Ну почему, почему я начинаю влюбляться в него? Черт возьми! Почему они такие? Странные мужчины: они великодушны, благородны и честны, справедливость их сурова, но сердца их сострадательны. Эти русские... Они ведут себя не как торжествующие победители, и война не ожесточает их. Они видят в нас людей – таких же, как они... Но именно этим своим свойством они выше нас. Нам, пожалуй, никогда не стать такими, как они... И поэтому я и этот Симеон – два противоположных полюса. Я это хорошо понимаю. А что думает он сам по этому поводу, мне неизвестно. Но не стоит сейчас заморачиваться этими думами – мне никогда не разгадать русскую душу. Я буду жить настоящим моментом... Вон, исходит аппетитный пар от сковороды, и Симеон, приглаживая рукой свой белокурый чуб, с каким-то растерянным ожиданием смотрит на меня, совершенно не понимая, что со мной происходит...

– Нихт принцесс... – сказала я наконец, стараясь избавиться эту фразу от оттенка горечи, – я просто женщина, который принимать свой спаситель... – Я села и постаралась безмятежно улыбнуться. – А теперь, либер фройнд, ты тоже садиться. Битте...

30 сентября 1943 года, три часа утра. Германия, провинция Остмарк, Вена, жилой комплекс на Энгельс-плац (бывшая Петер-Абель-плац).

Гвардии капитан РККА Семен Васильевич Листьев, командир батареи штурмовых артсамоходов ИСУ-152.

Ну вот я и пережил свое «грехопадение». Я даже не понимаю, что на меня нашло... Положив коротко остриженную голову мне на грудь, спит моя принцесса Клара Лангендорф, и в моем сердце расцветает нежность. А ведь еще совсем недавно я, вспоминая свой плен, истово ненавидел всех немцев, не деля их на военных и гражданских. Первый раз моя ненависть дала трещину, когда после нашего освобождения по приговору военного трибунала повесили нашего мучителя оберста Руделя. Вот, был самодовольный сверхчеловек, только что воспринимавший нас, советских пленных, как пыль под ногами – и вот он же дергается в петле жирным червяком, пытаюсь выгадать себе лишнюю секунду жизни.

Потом, после каждого сожженного вражеского танка, каждой фугасной гранаты, удачно легкой в толпу вражеских пехотинцев, я замечал, что моя ненависть к немцам вообще куда-то постепенно исчезает. Я не считал, сколько вражеских солдат было убито при моем непосредственном участии, но это количество очень велико. С немалой гордостью могу сказать, что у меня за спиной имеется немаленькое личное немецкое кладбище. Ведь я воевал сначала в противотанкистах, а потом в штурмовиках, когда ни о какой стрельбе с закрытых позиций не может быть и речи. Бой в таких случаях идет на расстоянии прямой видимости, и все успехи и неудачи всегда налицо. Если от твоего снаряда вспыхнул танк и наружу из него никто не выбрался, то это четыре мертвых ганса, которые никого больше не убьют и не ограбят, а если кому-то из них и удалось покинуть горящую машину, так на это у пехотного прикрытия позиций имеются пулеметы... С пехотой, которая бредет вслед за танками, аналогично: разрыв осколочного снаряда или снап картечи – и ты видишь, сколько белокурых бестий упало, чтобы больше никогда не подняться.

И под Белгородом, и под Оршей я досыта накормил свое чувство мести. А когда мы ломали вражескую оборону на Карпатских перевалах, я вдруг понял, что мне даже немного жалко этих несчастных, которых послали на смерть, поманив призраком поместий с рабами. ШтурмСАУ-152 – это не «сорокапятка», с которой я начинал войну, и когда понимаешь, что способен уничтожить любую цель (если не с первого, то со второго снаряда), то обычные на войне сомнения куда-то деваются. Именно там мне впервые довелось увидеть, как шестидюй-

мовый бетонобойный снаряд обрушивает вниз скальный уступ с выстроенным на нем пулеметным гнездом, или как морской полубронебой наизнанку выворачивает тяжелый «Тигр», который чертовы юберменши по своей глупости считали непобедимым чудо-оружием.

Так что с тех пор я не испытываю ненависти даже к немецким солдатам – разумеется, с той поры, как они побросали оружие и, задрав вверх лапки, послушно побрели куда-то на восток (как говорят товарищи с Украины, «у плен»). Там их накормят, напоят и приспособят к делу, выдадут кому лом, кому кирку, а кому лопату, с целью восстановления нашего, порушенного ими же, народного хозяйства. А уж после появления на фронте такой германской новации, как части, поголовно составленные из подростков и домохозяек, я и вовсе начал крутить пальцем у виска. Какая уж тут ненависть... Эти, с позволения сказать, солдаты женского пола выглядели до предела жалко, а Гитлер, цепляющийся за свое существование ценой их жизни – мерзко и отвратительно. И мне хотелось и хочется сейчас, чтобы все эти женщины, отбросив свои прежние заблуждения, стали нашими, советскими людьми. Ведь, как гласит новая политика нашей партии, «ты ответственен за тех, кого победил».

И вот в моей жизни случилась Клара Лагендорф. Кто она для меня, и кто я для нее, кроме того, что сегодня мы по обоюдному желанию легли в одну кровать? Она – немка-австриячка, жена (точнее, вдова) моего врага. Мы немного поговорили так как умеем – она мало-мало по-русски, я так же по-немецки – и стало ясно, что ее Франк погиб примерно там же и тогда же, где я и мои товарищи обрели спасение из немецкого плена. Не исключено, что убили его те же люди, что принесли свободу мне и моим товарищам. Для меня генерал Бережной – народный герой, а для Клары – это всадник Апокалипсиса, стоптавший Германию своими копытами. Я как мог объяснил ей, что настоящими всадниками Апокалипсиса были пышущие злобой ко всему человечеству главари нацистской партии, и первый из них – переполненное ненавистью исчадие ада по имени Адольф Гитлер. При этом генерал Бережной и его товарищи выполняли прямо противоположную задачу – остановить нашествие сил зла на нашу землю и обратить его вспять. Выслушав мои объяснения, Клара вздохнула и на ломанном русском языке сказала, что примерно то же самое им объяснял их куратор во фраулагере, некто падре Пауль, назвавший генерала Бережного, адмирала Ларионова и их товарищей Господними Воинами. Только ей пока трудно привыкнуть к такой мысли...

Зато меня Клара называет своим спасителем, не понимая, что лично я – это исчезающе малая величина, один из двенадцати миллионов советских солдат и офицеров, разгромивших Третий Рейх и предотвративших планы Гитлера по превращению нашего мира в кромешный ад на земле. Ее и других таких же спасла победоносная Красная Армия, а не я лично. Я сражался как умел, делал свое дело честно и со всем возможным тщанием, и вообще, то, что в тот момент ей встретился именно я, а не кто-нибудь еще, есть стечение случайных обстоятельств. Таким же стечением обстоятельств является наша встреча, ведь на моем месте мог оказаться любой командир Красной Армии, который покинул бы это временное жилье по первому требованию законной хозяйки. Я бы тоже покинул, да только Клара, совершенно по-русски раскинув руки, встала в дверях. И как раз в тот момент я увидел в ее глазах нечто такое, что кольнуло меня прямо в сердце... В каком-то стыдливом отчаянии она просила меня не уходить. И, будучи так близко к ней, я вдруг увидел, что она красива. Что у нее зеленые глаза с желтыми искорками, вздернутый носик, маленький шрам над правой бровью... Платок соскользнул с ее головы. С коротким ежиком светлых волос она напоминала воробушка и выглядела так мило и незащищено, что у меня перехватило дыхание. И от этих непривычных чувств я даже немного растерялся.

До нас уже не один раз доводили приказы о строжайшей недопустимости насилия по отношению к местному женскому элементу, но ни о каком насилии в случае с Кларой не могло быть и речи. Нужно было быть полным дураком, чтобы не понять, чего она хочет от меня.

Конечно, постараюсь ее утешить, сделать так, чтобы ее возвращение в родной дом стало по возможности приятным... А что будет дальше – об этом я не задумывался.

Когда Клара ушла в ванную, я даже приготовил для нас двоих ужин, пожарив банку американской свиной тушенки с омлетом из американского же ячного порошка. И я видел, как она была смущена и даже шокирована в этот момент. Мне рассказывали, что тут, даже когда местные едут в гости к ближайшим родственникам, они впереди себя высылают деньги на собственный прокорм. Нам, русским, такого низменного меркантилизма попросту не понять, а им не понять нашей широты души. А может, все не так плохо, и это потребительское отношение к людям у местных европейцев исключительно от долгой жизни в тяжелых условиях буржуазной действительности. Мне хочется верить, что после вхождения в состав Советского Союза эти люди смогут взглянуть на жизнь шире и понять, что ценность жизни не измеряется одними только шекелями, гульденами, марками, франками и песетами, что самое главное в ней – душевная теплота и обычное человеческое участие.

Я не знаю, будут ли у нас с Кларой в дальнейшем какие-либо отношения, но хочу, чтобы все у нее в дальнейшем сложилось хорошо. Ведь в числе прочего, и ради таких, как она – чистых и ни в чем не запятанных – мы пришли в Европу, освобождая ее от ужасов нацизма-сатанизма. Но если утром она сама опять скажет мне: «Не уходи», то надо будет сразу объяснить ей, что такие вещи можно делать только в случае серьезных намерений, а потом, в случае ее согласия, пойти к нашему замполиту товарищу Гвоздеву и обрисовать ситуацию. Скрывать связь с местной жительницей для красного командира недопустимо, и в то же время, если мы все сделаем без утайки, дело будет рассматриваться в индивидуальном порядке, и при этом главную роль сыграют как чистота анкеты невесты, так и боевые заслуги жениха.

30 сентября 1943 года, восемь часов утра. Германия, провинция Остмарк, Вена, жилой комплекс на Энгельс-плац (бывшая Петер-Абель-плац).

Клара Лангердорф, 25 лет, вдова, репатриированная жительница города Вены и домохозяйка, бакалавр исторических наук.

Когда я проснулась, испытывая во всем теле чувство неги и удовлетворения, Симеон был одет, гладко выбрит и держал в руках свой маленький чемоданчик.

– Прощайте, фрау Клара, – сказал он мне, – эта ночь кончилась и, наверное, мне пора идти...

Вот и настал этот момент, которого я так боялась... Сейчас он уйдет, и мы больше никогда не увидимся. А ведь мне с ним было так хорошо... Сделав свои дела, он не отвернулся к стене и не захрапел, как это обычно делал Франк, а, прижавшись ко мне, гладил меня по груди и говорил разные ласковые слова. Чудные русские, не вполне понятные мне слова – они звучали так умиротворяюще... Так что я уснула первой, чувствуя себя в его объятьях уютно, как младенец в колыбели.

Но вот настал драматический момент, когда он стал прощаться со мной... И я, вытянув к нему руки, умоляюще сказала:

– О нет... ты не уходи... я хочу, чтобы ты еще остался. Хотя бы еще один раз...

Симеон посмотрел на меня внимательным взглядом, вздохнул и, отложив в сторону свой чемоданчик, присел на стул рядом с кроватью.

– Понимаешь, принцесс... – сказал он, чуть заметно вздохнув, – если я останусь сейчас, то завтра это повторится снова, а потом еще и еще... Нет, остаться я могу...

Ну вот, он не останется... Я ожидала такого ответа, и была готова к нему. Он прав: зачем углублять нашу связь, если у нас, кроме постели, не может быть ничего общего? Я для него – всего лишь приятный эпизод; сколько их у него еще будет, таких эпизодов... Он молод, хорош собой, галантен и добросердечен. Впрочем, я даже не знаю, женат ли он. Я не спрашивала, ведь

это было для меня неважно. Да и сейчас не имеет значения – ведь он уходит. Спасибо тебе и на этом, Симеон, ты навсегда останешься в моей душе прекрасным воспоминанием...

Как я ни крепилась, ни старалась улыбаться, он, кажется, уловил мое настроение. Он внимательно взгляделся в мое лицо и вдруг улыбнулся и нежно провел пальцем по моей щеке.

– Нет, я, конечно же, могу остаться, принцесс... – сказал он, – но только в том случае, если у нас с тобой будут серьезные намерения.

От этих слов у меня даже пересохло в горле. Я невольно провела рукой по волосам, испытываю одновременно растерянность, удивление и надежду. До меня никак не могло дойти, что он имеет в виду. Может быть, я еще недостаточно хорошо владею русским языком, чтобы правильно понять то, что он сказал? Серьезные намерения? Нет, я не понимаю... Не может быть, чтобы речь шла об этом... Какие «серьезные намерения»? Он, должно быть, шутит. Или я и вправду не понимаю всего смысла сказанного...

– О, ну тогда ты делать мне предложение? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал весело, как будто я поддерживаю шутку, хотя на самом деле сердце мое наполнилось болью. – Это есть хорошо – делать предложение после одной ночи любви! – Я звонко рассмеялась – лишь бы он не заметил, как я страдаю. Как не хотелось казаться перед ним глупой, привязчивой овечкой! Он ничего не должен заподозрить...

Я разошлась:

– Это похоже как синема... Сказка! О нет – фантастиш! Я не видеть такой синема, как там постель, и сразу – как это, стать муж и жена... Значит, мы жениться, Симеон, да? – Я вновь залилась смехом, в котором уже начали звучать истерические нотки.

Но он вдруг стал донельзя серьезным. Складка залегла меж его бровей.

– Именно так, – кивнул он, выпрямившись. Голос его прозвучал твердо; он строго и вместе с тем нежно смотрел на меня, отчего мой дурацкий смех мгновенно умолк.

Он слегка прокашлялся и стал говорить тихо и веско, глядя прямо мне в глаза:

– Разве ты не видишь, что это была действительно ночь любви между половинами одного целого, а не случайная постельная встреча двух чужих людей, когда уже через два дня не помнишь лица своего мимолетного партнера? И, кроме того, я ведь не просто случайный встречный с соседней улицы, а советский командир. Одно дело, если я буду спать с тобой без всяких обязательств, что крайне аморально, и совсем другое – если ты будешь моей невестой, будущей женой, а станешь ты ею сразу после того, как закончишь свои учительские курсы и получишь права советского гражданства. Школьный учитель – это очень высокий общественный статус. В противном случае, если ты ответишь мне отказом, то нам следует расстаться, и лучше всего немедленно, чтобы не усугублять ту сердечную рану, которую мы можем нанести друг другу.

Он замолк. И смотрел на меня как-то настороженно. А я... Мне вдруг стало так стыдно... Все во мне перевернулось от его слов, сказанных с такой страстью и убеждением... Я судила о нем по другим мужчинам, я применяла к нему привычные мне критерии... А он был искренен... И говорил мне правду, даже и не думая шутить. Но это же просто невероятно... я даже и предполагать не могла, что все может быть ТАК... Я, конечно, пыталась фантазировать, как завлеку его, привяжу к себе со временем, если он будет периодически забегать ко мне... Но при этом я понимала, что это – не более чем глупые грезы. От меня здесь мало что зависело...

На моих глазах выступили слезы. Он молчал, но вся его страстная, немного сумбурная речь все еще звучала в моей голове, и я чувствовала, как неудержимо падаю в какую-то блаженную пропасть... Еще несколько минут назад все для меня было очень грустно, и я не могла даже и мечтать прожить всю жизнь с этим добрым и ласковым красавцем, каждую ночь переживать в его объятиях полет в небеса и слушать из его уст в свой адрес нежные слова, рожать ему таких же красивых и добрых детей... И вот сейчас я парю на крыльях счастья, и даже боюсь поверить, что все это происходит на самом деле...

– Ну так что, принцесса? – Он сжал мою ладонь. – Что скажешь?

– Я... я говорить да... – пробормотала я и, уткнувшись в его плечо, уже не сдерживала слез.

Словом, перед тем как уйти на службу, ему пришлось задержаться у меня еще на полчаса...

1 октября 1943 года, 09:02. Токио. Главный Штаб Объединенного Флота Японской Империи, Кабинет главнокомандующего.

Присутствуют:

Главнокомандующий объединенным флотом – адмирал Исороку Ямамото;

Офицер для особых поручений – капитан первого ранга Минору Гэнда.

Капитан первого ранга Минору Гэнда был моложе адмирала Ямамота на целое поколение. Когда молодой лейтенант Исороку Такано (фамилию Ямамото этот человек носил только с 1916 года) участвовал в Цусимском сражении, маленькому Минору еще не исполнилось и года. В 1929 году капитан первого ранга Исороку Ямамото командовал флагманским авианосцем Акаги, а лейтенант Гэнда был молодым морским летчиком, только что выпущенным из училища. Потом храбрый и умелый летчик начал делать стремительную карьеру. «Летающий цирк Гэнды», демонстрировавший в небе японских городов искусство высшего пилотажа, привлекал в авиационные училища все новых и новых рекрутов. Летчиком быть почетно, еще почетней быть морским летчиком, а на самой вершине иерархической пирамиды – пилоты палубной авиации. А все потому, что они ежедневно выполняют акробатические цирковые трюки, сажая свои самолеты на маленькую корабельную палубу.

Но этот молодой офицер, оказавшийся хорошим тактиком (о стратегических талантах речи не шло) был способен на большее, чем просто удивлять публику головокружительными воздушными кульбитами. Он не только рос в чинах, но и занимал все более и более ответственные должности. Последним местом службы капитана второго ранга Минору Гэнда перед переводом в штаб адмирала Ямамото была должность военно-воздушного атташе в Великобритании, где он был свидетелем ожесточенного воздушного сражения королевского военно-воздушного флота и германского люфтваффе. Вернулся он в Японию осенью сорокового года, сразу после завершения Битвы за Британию, и тут же попал в поле зрения адмирала Ямамото, разрабатывавшего операцию против Перл-Харбора.

Первоначальная идея адмирала заключалась в том, что самолеты стартуют с очень большой дистанции, превышающей радиус действия палубной авиации, и после выполнения задания совершат посадку на воду в том районе, где их экипажи могут подобрать эсминцы и подводные лодки. Это Минору Гэнда убедил командующего Объединенным флотом в том, что атака, подготовленная в глубокой тайне, должна производиться с неожиданного направления и такой дистанции, чтобы у японских пилотов с запасом хватало топлива и на полет туда-обратно, и на выполнение задания. Потом он много раз повторял, что не раскаивается в ударе по Перл-Харбору; ошибка заключалась в том, что был произведен только один налет, тогда как по главной американской базе на Тихом океане требовалось бить снова и снова, пока у Первого Воздушного Флота (авианосное соединение) не закончится боезапас или самолеты. Если бы командовать довелось ему, то так бы все и было.

Но к данному моменту первая атака на Перл-Харбор была уже в далеком прошлом, и сейчас разговор в кабинете у командующего шел уже о совсем других вещах.

– Минору-сан, вы храбрый человек? – полуутвердительно-полувопросительно произнес адмирал Ямамото, с непроницаемым лицом глядя на своего подчиненного.

– Да, Исороку-сама, – ответил Гэнда, – и в любой момент готов отдать жизнь за нашего Божественного Тэнно.

– Жизнь отдавать не надо, – ответил Ямамото. – Задание, которое, с ведома Божественного Тэнно, я хочу вам поручить, скорее дипломатического, а не боевого толка. Знать о сути

вашего поручения будут только трое: вы, я и наш Божественный Император – на этом список посвященных исчерпывается.

– Я внимательно слушаю вас, Исороку-сама, – ответил Минору Гэнда, поклонившись, – и клянусь, что приложу все возможные усилия для того, чтобы в точности выполнить ваше поручение.

Адмирал Ямамото еще раз внимательно посмотрел на своего подчиненного и с мрачным видом произнес:

– Я собираюсь послать вас в Москву, в самый эпицентр мирового тайфуна, где со страшной силой дуют божественные ветры перемен. Ураганные порывы этого ветра сдувают в небытие царства и целые империи, и нашей стране Ниппон грозит такая же опасность. Пройдет совсем немного времени – и та сила, что только что сокрушила Германию, всей мощью развернется в нашу сторону. А мы с русскими не друзья, и даже не добрые соседи... – адмирал машинально прикоснулся к искалеченной левой руке. – С самого начала двадцатого века мы взяли себе за привычку кусать русского медведя за зад – и вот теперь, когда он закончил свои дела в Европе и оглянулся назад, пришло наше время платить за все по гамбургскому счету. Наше поражение в этой схватке неизбежно.

– Я вас не понимаю, Исороку-сама... – Минору Гэнда склонился в глубоком поклоне перед адмиралом Ямамото. – Почему вы говорите о поражении, ведь страна Ниппон сильна, а ее воины отважны?

Командующий Объединенным флотом (фактически второй человек в имперской иерархии) пристально посмотрел на собеседника и с мрачно-непроницаемым видом заговорил:

– Когда мы начинали войну против янки, я заранее знал, что она будет проиграна, и причиной этого поражения мог стать только непреодолимый перевес нашего противника в промышленной мощи. Тактически мы переигрываем американский флот по всем параметрам, но ничего не сможем сделать, если Тихий океан заполонят десятки тяжелых авианосцев под звездно-полосатыми флагами, в то время как у нас таких авианосцев только шесть, и строить корабли такого класса в ходе войны мы не имеем возможности. Панамская операция и была призвана при минимальных потерях с нашей стороны как можно дольше удерживать корабли янки вдали от наших основных оборонительных рубежей. Особый десантный корпус героически погиб, но полностью выполнил свою задачу, Панамский канал безвозвратно разрушен, и теперь его предстоит строить заново, а слова «янки» и «гринго» у населения Латинской Америки превратились в самые грязные ругательства, хотя и раньше это были далеко не похвалы.

Адмирал Ямамото сделал паузу, как бы собираясь с мыслями, и когда как увидел, что его визави готов внимать следующей порции откровений, заговорил снова:

– Но война против янки меркнет по сравнению с той угрозой, что пришла к нам с неожиданной стороны, после того, как война в Европе закончилась быстрым и страшным разгромом Германского Рейха. Американцы могли сломать нашу оборону за несколько лет тяжелой войны, а русские – они уже здесь, рядом, и чтобы смести с лица земли нашу Квантунскую армию, им понадобится всего несколько недель, если не дней. В настоящий момент их сухопутные силы превосходят нашу Госпожу Армию в численности, в качестве техники и вооружения, в уровне боевой подготовки, а также не уступают ей в готовности солдат и офицеров совершить самопожертвование ради своего императора и своей страны. Но самой сильной стороной русских является авиация, способная действовать как над сухопутными, так и над морскими театрами сражений. У вас, Минору-сан, всего один элитный 343-й кокутай (авиаполк), а у русских таких отборных пилотов – на четыре полнокровных авиакорпуса, оснащенных самой современной и проверенной в жестокой войне техникой. Германия господина Гитлера оказалась очень хорошим точильным камнем, на котором господин Сталин довел свою армию до бритвенно-острого совершенства. Таким инструментом можно рубить хоть лист дерева, плывущий по воде, хоть шелковый платок на лету, хоть вражеский меч у самой рукояти.

Адмирал расстелил на столе карту Маньчжурии с нанесенными на нее позициями Квантунской армии и предполагаемой схемой советского наступления и спросил:

– Вы же способный тактик, Минору-сан – скажите мне, на что это похоже?

– На орех в клещах, – уверенно ответил молодой офицер, бросив на карту лишь один беглый взгляд. – Даже если не учитывать численного и качественного превосходства русских, позиции Госпожи Армии выглядят весьма уязвимыми. Один решительный натиск на Гириин со стороны Монголии и Владивостока – и наших генералов не спасут никакие укрепрайоны. А наш Флот в маньчжурских степях не сумеет оказать Госпоже Армии никакой помощи.

– Нашему Флоту, – сказал адмирал Ямамото, – будет прямо противопоказано даже приближаться к эпицентру того тайфуна, который через некоторое время раскрутится над Маньчжурией и Кореей. Наиболее разумным решением в такой ситуации было бы вывести основную часть Квантунской армии в Корею и на территорию Метрополии, чтобы уберечь наших солдат от гибели в уже обозначившихся клещах. Тогда мы могли бы еще потрепыхаться некоторое время. Но ты же, Минору-сан, знаешь наших генералов. Для них такое отступление еще до первого выстрела будет неприемлемым унижением, а еще они считают себя умнее каких-то там флотских...

– А сами без толку и смысла увязли в затяжной войне в Центральном Китае, где уже непонятно, кто, кого и зачем убивает, – сказал Минору Гэнда. – И это вместо обещанного Божественному Тэнно быстрого наступления тремя дивизиями, после которого должны были последовать мирные переговоры. Но даже если бы наши генералы были умнее, чем они есть на самом деле, и сумели бы правильно перегруппировать силы, разменяв территорию на качество позиций, то при обозначившемся перевесе сил это привело бы только лишь к затягиванию сопротивления, а отнюдь не к победе.

Адмирал Ямамото кивнул:

– Точно так же, как и наш флотский великий оборонительный периметр на Тихом океане. Рано или поздно янки прорвут его на всю глубину, захватят плацдармы в непосредственной близости от Метрополии и начнут готовить свою морскую пехоту к высадке на причалах Йокосуки. Я ведь уже говорил, что эта война с самого начала была обречена на поражение. Выиграть ее можно было только в случае начала внутренних неустойств у противника или при наличии управляемого оружия, когда ракетный снаряд ценой от силы в пару сотен тысяч долларов, с гарантией топит авианосец или линкор, на постройку которого ушло три-четыре года и двадцать-тридцать миллионов⁴ долларов.

– Да, – согласился Минору Гэнда, – при наличии у нас такого оружия янки бросили бы карты, но его в нашем распоряжении, к сожалению, нет. Также мы не можем рассчитывать на то, что у русских или у янки случатся внутренние неустойства. Десять лет назад американцы тысячами дошли от голода, но так и не взялись за оружие, которое в их стране так же обычно, как у нас палочки для еды. О русских при этом речь вообще не идет, господин Сталин – это далеко не их последний царь Николай, и не допустит никаких беспорядков.

Адмирал Ямамото подумал, что на государственном арсенале в Йокосуке уже начали разработку проекта пилотируемого самолета-снаряда, но даже при самой большой спешке эта работа не имеет шансов быть законченной в срок. Русские раскрутят свой тайфун над Маньчжурией гораздо раньше, чем такие аппараты войдут в строй. К тому же одно дело атаковать линкор, авианосец, ну или хотя бы эсминец и совсем другое – танковую колонну, аэродром или пехоту на марше. При атаке наземной цели таким снарядом шума будет много, а толку мало. К тому же больше половины веса этого самолета-снаряда, построенного из бамбуковых реек и рисовой бумаги, будет занимать взрывчатка, а это значит, что такой самолет-снаряд беспо-

⁴ Назвав такие цены боевых кораблей, адмирал Ямамото опирался на довоенные данные. Авианосцы серии «Эссекс», строившиеся в ходе войны, обошлись правительству США в семьдесят миллионов долларов.

лезно использовать против хорошо бронированных кораблей и бетонных оборонительных сооружений. На море его законными целями должны стать небронированные легкие крейсера, эсминцы и пароходы с десантом, а на суше – беззащитные жилые кварталы крупных городов, застроенные многоэтажными домами. Но атака гражданских целей только обозлит русских, а вот этого стране Ниппон не надо, по крайней мере, до тех пор, пока Божественный Тэнно не принял решение, что Японии и японцам лучше всего будет разбиться вдребезги.

Но вслух он этого говорить не стал.

– Единственное, что нас немного успокаивает, Минору-сан, – произнес адмирал Ямато, – это отношение пришельцев из будущего и их большевистского императора к народам и, самое главное, к свергнутым властителям побежденных стран. Кому-то из бывших власть имущих дают благополучно убежать, кого-то оставляют при власти, и только самых глупых и упрямых уничтожают под корень.

– Мы, японцы, тоже достаточно упрямые... – заметил Минору Гэнда.

– Но только не в том случае, если имеем дело со стихийными явлениями или проявлением воли богов. Никто из нас не будет пытаться переупрямить извержение вулкана, тайфун или цунами.

– Исороку-сама, – поклонившись, почтительно произнес Минору Гэнда, – вы считаете, что в случае с русскими мы имеем дело с проявлением божественной воли?

– Вот именно, – сказал адмирал, – два года назад русские изнемогали под германским натиском, отбиваясь из последних сил, и потом вдруг оправились и стали одерживать одну победу за другой. Одновременно с этим переломом в окружении господина Сталина появились новые, никому не известные люди, после чего быстро начала меняться и внутренняя политика большевиков. При этом каждая попытка Гитлера восстановить положение приводила только к новым катастрофам для Германии. Но наибольшей его ошибкой стало обращение к демонам зла, благодаря чему его оппоненты, следуя советам свыше, сумели наложить свою руку на всю Европу, где их встречали как освободителей, а не как завоевателей. Я как раз и намереваюсь послать вас к этим людям потустороннего происхождения (о которых уже известно, что они не обманывают никого и ни в малейшей степени) с задачей договориться об управляемом ведении конфликта и его границах. Нам надо, чтобы по результатам вашего визита в Москву Божественный Тэнно смог принять решение: разбиваться стране Ниппон вдребезги, а ее народу погибнуть до последнего человека, или объявить капитуляцию по формальным обстоятельствам, как только упрямство наших генералов будет сломлено неумолимым натиском русских танковых армий. Мы хотели бы заключить тайные соглашения, которые обозначат границы конфликта, формулу гуманности, а также момент предполагаемой почетной капитуляции.

Минору Гэнда поклонился своему командующему и сказал:

– Я рад выполнить любое поручение нашего Божественного Тэнно, а потому готов отправиться в Москву немедленно, прямо из этого кабинета.

– Поезжайте, и да пребудет с вами милость богини Аматерасу, – сказал адмирал Ямато, – жизнь и смерть нашей нации зависят от того, что вы привезете нам – отчаяние или надежду. И помните: времени у нас с каждым днем становится все меньше.

Часть 34. Операция «Бетельгейзе»

8 октября 1943 года, утро. Тунис, Бизерта.

Бизерта, место позора и бесславья русского флота, последний приют белой Черноморской эскадры. Тут до сих пор доживает свои дни колония из русских моряков и их семей. Древние как Мафусаилы трясущиеся старцы и молодая поросль, которая в двадцатом году, в момент бегства из России, еще пищала в колыбелях или даже не родилась. Потом, в конце двадцатых – начале тридцатых большая часть потерявших всякую надежду команд перебра-

лась во Францию, остальные остались здесь, дожидаться неведомо чего. И дождались: сначала позора капитуляции сорокового года, а потом ноября сорок второго, когда Петен с Лавалем без боя сдали Тунис немцам под тыловую базу Африканского корпуса. Некоторые из русских белоэмигрантов ушли отсюда воевать с немцами к Деникину, другие же подались к Краснову и Шкуро. Первые в Советском Союзе любимы и овеяны бессмертной славой, вторых русский народ проклял и приговорил к забвению по методу товарища Герострата. Не было тут таких никогда. На сухопутных фронтах русскоговорящих деятелей в немецкой форме сразу оформляли в трибунал как изменников Родины и при минимальных формальностях ставили к стенке.

Собственно, Советскому Союзу не нужна ни сама Бизерта под военную базу, ни обитающие тут обломки мира «до без царя». Советская эскадра под командованием адмирала Ларионова прибыла сюда, потому что именно здесь стартует операция «Бетельгейзе», являющаяся заключительным этапом плана «генерал де ла Рэй». До недавних пор Виктор Сергеевич об этом плане был ни сном ни духом, но три дня назад в Таранто, куда его эскадра зашла ради пополнения запасов и отдыха личного состава, комиссар третьего ранга Антонова представила адмиралу из будущего очень интересного человека.

– Знакомьтесь, Виктор Сергеевич, – сказала она, – это Пит Гроббелаар, горный инженер, герой Советского Союза, наш союзник, полковник южноафриканской армии и временный президент независимой Южноафриканской республики. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Вместе с этим временным президентом на причале присутствовали четыре сотни самых отчаянных головорезов, каких только можно себе вообразить. Как разъяснила адмиралу товарищ Антонова, это личный состав расформированного в Красной Армии бурского спецполка «генерал Де ла Рэй». Теперь этих людей, с использованием без толку болтающегося в Бизерте человеческого материала, предстоит переформировать в одноименную южноафриканскую дивизию, или даже корпус, после чего это соединение отправится к себе на родину наполнять ее независимость самым правильным содержимым.

Во время второй осады Тобрука, по времени совпавшей с переворотом в Британии, в плен к немецко-итальянской группировке после недолгого сопротивления сдался двенадцатитысячный гарнизон этого укрепленного пункта, в основном состоящий из частей второй южноафриканской пехотной дивизии. Обстоятельства этой капитуляции крайне туманны, ибо предыдущая осада продолжалась целых девять месяцев, а эта продлилась только три дня. С одной стороны, налицо были трудности со снабжением, ибо британское командование отказалось снаряжать высокорисковые морские конвои в осажденный город, с другой стороны, в отличие от австралийцев, державших оборону во время первой осады, южноафриканские буры не испытывали особой лояльности к чуждой для них Британской империи. А может, первый фактор наложился на второй. Британский командующий Клод Окинлек не захотел рисковать ограниченным быстроходным транспортным тоннажем ради каких-то там буров, и те поняли этот жест как оскорбительное равнодушие к их судьбе, и не стали оказывать врагу упорного сопротивления.

Собственно, на этом моменте война в Северной Африке фактически прекратилась, ибо Гитлер отозвал Лиса Пустыни со всеми его танками на Восточный фронт, где тот и сгинул, а англичане короля Георга, потеряв Метрополию, были вынуждены перебрасывать все, что возможно, в находящуюся под японским ударом Индию. И прежде не очень значительные противоборствующие силы разом усохли до ничтожных. Как, должно быть, потом жалел британский командующий о выброшенной «за просто так» целой южноафриканской дивизии, как бы она пригодилась в условиях патологической слабости противника!

И когда германо-итальянская группировка в Ливии и Тунисе наконец сложила оружие, британское командование в Египте попробовало наложить лапу на пленных буров, но получило в ответ роскошную индейскую национальную избу. Освобождали Тунис просоветские

французские формирования (других на данный момент нет), усиленные ротными и батальонными тактическими группами 1-го ВДК, перед тем здорово порезвившимися на юге Франции. А потому перед бодро продвигающимися вглубь Туниса британскими подразделениями были выставлены заслоны из советских парашютистов и французских свободоармейцев, вооруженных гранатометами, реактивными огнеметами, едиными и крупнокалиберными пулеметами, прошивающими легкие британские танки и бронетранспортеры как картонные коробки. Но до стрельбы так и не дошло, потому что из Лондона британского командующего одернули рывком поводка и резким окриком: «Фу, Клод, место!». Чисто британских пленных, пожелавших репатрироваться на родину, генералу Окинлеку вернули, а остальные для него оказались табу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.